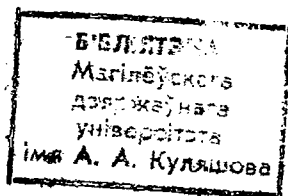

Издаіе „Народное право“.

И. Н. Игнатовъ.

ГАРИБАЛЬДИ.

Цена 10 коп.

МОСКВА.
Типографія Г. Лиснера и Д. Собко.
Воздвиженка, Крестовоздвиж. пер., д. Лиснера.

1906.

Гарибальди.

I.

Хорошая страна Италия, — хорошая, красивая и удобная для житья. Климатъ здѣсь теплый и мягкій, небо синее; зимы почти не бываетъ, а въ нѣкоторыхъ уголкахъ такъ и совсѣмъ не бываетъ такой зимы, какъ у насъ, со снѣгомъ, морозами и мятелями. И земля здѣсь мѣстами родить необыкновенно хорошо; есть мѣста, гдѣ собираютъ по два урожая въ годъ, гдѣ хлѣбъ достигаетъ такой высоты, а колось такой величины, о которыхъ въ нѣкоторыхъ другихъ странахъ почти не знаютъ.

И однако въ такой-то благодатной странѣ столѣтъ назадъ жилось совсѣмъ плохо. Вся страна была подъ чужеземнымъ владычествомъ.

Уже давно, еще въ началѣ прошлаго столѣтія, была она завоевана французами. Былъ тогда у французовъ императоръ Наполеонъ I, который велъ постоянныя войны. Всюду хотѣлъ онъ ввести французское владычество; завоевалъ онъ много странъ, одерживалъ побѣды надъ многими державами, доходилъ до Москвы и въ свое время взялъ Италію. Посадилъ онъ тамъ своего короля, часть земли отобралъ себѣ и самъ надъ нею правилъ.

Но завоеваніямъ Наполеона пришелъ конецъ. Разбили его соединенныя войска иностранныхъ государствъ, прогнали его изъ Франціи и тогда стали думать, что дѣлать съ завоеванными имъ странами. Стали думать и что дѣлать съ Италіей. Казалось бы, чего проще? взять да и отдать Италію итальянцамъ, т.-е. тому народу, который тамъ живетъ: управляйтесь, какъ хотите, ваше дѣло. Такъ оно казалось и итальянцамъ.

Но не такъ разсудили иностранные государи. Захотѣлось тогда имъ пожитья на счетъ освободившейся отъ французовъ Италіи. У иностранныхъ государей (въ особенности у австрійскихъ), было много родственниковъ. Отчего же было не пристроить этихъ родственниковъ королями, герцогами, вообще правителями въ Италіи? Это, во-первыхъ, давало родственникамъ власть, почетъ, деньги. Во-вторыхъ, оно подчиняло страну Австріи, такъ какъ всѣ родственники будутъ поступать такъ, какъ это пріятно самому властному и сильному родственнику, т.-е. австрійскому императору.

Сказано, сдѣлано. И вотъ Италію раздѣлили на нѣсколько мелкихъ государствъ, въ которыхъ большинство правителей были австрійскаго происхожденія. Только самый сѣверъ Италіи, такъ называемый Пьемонтъ, да одинъ островъ (Сардинія) были отданы итальянскому королю. Средина Италіи съ главнымъ городомъ Римомъ осталась во власти монаховъ; главнымъ надъ другими монахами былъ старшій монахъ, котораго называли „папа“ и который правилъ, какъ полновластный король.

Тяжела была жизнь итальянцевъ въ эти годы.

Всюду владычествовали чужіе люди; вездѣ были насилія, гнетъ; вездѣ обременительные платежи, большія подати; вездѣ бѣдность, нищета. Свободы не было. Всякаго, кто говорилъ, что подати велики, что жить плохо, называли бунтовщикомъ и строго наказывали.

Самое тяжелое житіе было на югѣ Италіи и на островѣ Сициліи, томъ островѣ, который сейчасъ же примыкаетъ къ южной части Италіи. И здѣсь царствовали чужіе люди, короли изъ семейства Бурбоновъ, того самаго семейства, которое когда-то царствовало во Франціи и которое уже два раза оттуда выгоняли. Въ этой части Италіи, подѣ несправедливымъ правленіемъ бурбонскихъ королевъ, подати были особенно велики, полиція особенно строга, народъ особенно угнетенъ и бѣденъ. Было здѣсь когда-то хорошее правленіе. Народъ избиралъ людей, которые обсуждали, что надо для страны, какіе должны быть налоги, какіе законы. Король не могъ управлять, какъ хотѣлъ, и если какой-нибудь законъ не былъ принятъ представителями народа, то онъ и не могъ сдѣлаться закономъ. Король изъ Бурбоновъ увидалъ въ этомъ ограниченіе своей власти. Да такъ оно и было въ дѣйствительности. Понятно, что королю, желающему, на примѣръ, ввести большіе налоги или тратить на себя казенныя деньги, такому королю народные представители могутъ сказать: мы не хотимъ обременять народъ податями; мы не хотимъ, чтобы наши деньги такъ нехорошо тратились. И если есть народные представители, и если они имѣютъ власть, понятно, они такъ и скажутъ.

Вотъ это-то и не нравилось Бурбонамъ. Король обратился къ иноземнымъ государямъ и при ихъ помощи уничтожилъ народное управленіе и сталъ править одинъ. Напрасно народные представители возстали противъ этого: иностранныя войска вошли въ страну и при ихъ помощи была введена неограниченная власть короля.

Какъ помочь горю? спрашивали люди, особенно любившіе родину. Какъ выгнать чужеземцевъ и освободить народъ? Уже было сказано, что на самомъ сѣверѣ Италіи, въ такъ называемомъ Пьемонтѣ, управленіе было лучше, чѣмъ въ другихъ концахъ Италіи. Правиль тамъ единственный на всю Италію итальянскій король. Звали его Карль Альбертъ. Вотъ на него-то и надѣялись тѣ люди, которые думали объ освобожденіи Италіи. Итальянскій король, думали они, долженъ любить Италію; онъ долженъ стараться о томъ, чтобы во всѣхъ мѣстахъ Италіи жилъ свободный народъ, чтобы вся Италія была соединена въ одно государство. Думали они такъ и надѣялись на Карла-Альберта.

Одинъ жившій въ то время молодой человекъ, по имени Мадзини, написалъ Карлу Альберту письмо, въ которомъ просилъ его принять на себя дѣло освобожденія Италіи.

„Сдѣлайтесь, писалъ онъ ему, начальникомъ всѣхъ тѣхъ, кто хочетъ освободить Италію; обратитесь къ итальянскому народу съ воззваніемъ; пригласите его свергнуть иго чужеземцевъ; призовите къ оружію всѣхъ, кто хочетъ и можетъ бороться противъ австрійцевъ, бурбоновъ, папы, всѣхъ тѣхъ, кто противъ угнетателей нашей ро-

дины, — и на вашъ призывъ откликнутся тысячи, и Италия будетъ освобождена“.

Но Карль Альбертъ не рѣшился. Онъ боялся, что Австрія (большая и сильная страна), при первой попыткѣ свергнуть чужеземное иго, пошлетъ въ Италію массу войскъ; начнутся усмиренія; начнетъ военщина; еще хуже будетъ житье итальянскаго народа. Въмѣсто того, на что надѣялся Мадзини, Карль Альбертъ сдѣлалъ другое. Онъ приказалъ арестовать Мадзини, если найдутъ его. Въмѣстѣ съ этимъ онъ усилилъ строгости противъ тѣхъ, кто стремился къ свободѣ. Такъ разрушились надежды на помощь Карла-Альберта.

Но не потеряли мужества люди, желавшіе освобожденія Италіи. Еще ревностнѣе принялись они за дѣло освобожденія. И самымъ горячимъ, самымъ смѣлымъ, самымъ виднымъ, изъ нихъ былъ Гарибальди.

II.

Хорошо прожить жизнь такъ, какъ ее прожилъ Гарибальди. Кто такой Гарибальди? Это былъ человѣкъ, для котораго во всю жизнь не было другихъ мыслей, кромѣ мысли объ отечествѣ, объ его благѣ и свободѣ. Теперь на его родинѣ нѣтъ имени болѣе уважаемаго, болѣе любимаго, болѣе извѣстнаго всѣмъ, чѣмъ его имя. А вѣдь было время, когда Гарибальди преслѣдовали, когда его хотѣли разстрѣлять. И это только за любовь къ родинѣ, за желаніе ей добра и счастья. Но расскажемъ все по порядку.

У берега моря, на сѣверѣ Италіи, жилъ-былъ

морякъ, Доменико Гарибальди. Былъ онъ капитаномъ корабля, на которомъ возилъ товары въ разныя страны. Нерѣдко бралъ онъ съ собой и жену. И вотъ молва говоритъ, что въ одну изъ поѣздокъ по морю, во время сильной бури, у жены Доменико родился сынъ, Джузеппе Гарибальди, тотъ самый знаменитый Гарибальди, имя котораго почитаетъ теперь вся Италія. Такъ, впрочемъ, только говорила молва. На самомъ же дѣлѣ Гарибальди родился въ домѣ своего отца въ Ниццѣ, 4 іюля 1807 года.

Былъ онъ мальчикъ ловкій, сильный и смѣлый. Еще ребенкомъ плавалъ онъ въ лодкѣ, плавалъ вмѣстѣ съ отцомъ на кораблѣ во всевозможныя бури, умѣлъ ѣздить верхомъ и не боялся никакой дикой лошади. Море и высокія горы окружали родной городъ. Гарибальди вмѣстѣ со своими сверстниками, а иногда и одинъ уходилъ въ горы и здѣсь вдали отъ жилья, вдали отъ людей его нерѣдко заставала буря или темная ночь. Онъ не боялся ничего, вездѣ умѣлъ найтись и помочь себѣ.

Его учили и наукамъ, но учителя были неважные и не нравились ему. Особенно не любилъ онъ католическихъ поповъ, которые учили его. Эта нелюбовь росла съ годами. Чѣмъ больше росъ Гарибальди, тѣмъ большими врагами его дѣлались монахи и другіе католическіе духовные, а почему, мы сейчасъ узнаемъ.

Долго не знали родители, къ чему бы приспособить сына, что изъ него сдѣлать. Пытали и то и другое; хотѣли даже сдѣлать изъ него священника, но Гарибальди ни на что не согла-

шался: онъ хотѣлъ продолжать ремесло своего отца, — ему хотѣлось быть морскимъ капитаномъ. Долго спорили родители, но наконецъ согласились, и Гарибальди сдѣлался морякомъ.

Во время одной изъ поѣздокъ на кораблѣ случилось ему приплыть и въ Россію. Онъ посѣтилъ, между прочимъ, Таганрогъ, и то, что онъ узналъ здѣсь, на всю жизнь врѣзалось въ его памяти.

Зашелъ онъ однажды въ этомъ городѣ въ трактиръ, куда обыкновенно стекаются пріѣзжіе моряки. Погруженный въ свои думы о судьбѣ Италіи, онъ усѣлся за столикомъ одинъ. За сосѣднимъ столомъ сидѣла цѣлая компанія итальянцевъ. Шелъ оживленный разговоръ. Кто-то говорилъ всѣхъ громче. Мало-по-малу онъ завладѣлъ всѣмъ разговоромъ. Этотъ неизвѣстный рассказывалъ о томъ, что въ Италіи образовалось тайное общество, которое поставило своей цѣлью освобожденіе Италіи. Во главѣ этого общества, сказалъ онъ, стоитъ Мадзини, — тотъ самый Мадзини, который нѣсколько времени назадъ въ письмѣ уговаривалъ короля Карла-Альберта принять начальство надъ всѣми итальянцами, желающими свергнуть чужеземную власть. Незвѣстный горячо говорилъ о несчастіяхъ Италіи, о долгѣ каждого итальянца бороться за ея свободу. Его слова такъ отвѣчали всему, о чемъ думалъ самъ Гарибальди, что послѣдній не могъ усидѣть на своемъ мѣстѣ. Онъ подошелъ къ незнакомому человѣку схватилъ его за руку и торжественно при всѣхъ поклялся, что будетъ работать съ тѣми, кто состоитъ въ этомъ тайномъ обществѣ. Онъ поклялся кромѣ того, что отнынѣ всѣ его помыслы, всѣ чув-

ства, вся жизнь принадлежит дѣлу освобожденія Италіи, что онъ не успокоится и не станетъ отдыхать раньше, чѣмъ вся Италія будетъ освобождена.

Онъ сдержалъ свою клятву. Вся его жизнь была наполнена только этой мыслью и этимъ дѣломъ. Къ сожалѣнію только, эта работа оказалась гораздо болѣе долгой, чѣмъ онъ предполагалъ. Съ той минуты, какъ онъ далъ эту клятву, и до дня, когда онъ послѣдній разъ сражался за освобожденіе Италіи, прошли около 35 лѣтъ.

Какъ только Гарибальди вернулся въ Италію, онъ нашелъ Мадзини и поступилъ въ основанное имъ тайное общество „Молодой Италіи“. Не долго, впрочемъ, просуществовало общество. Первая же попытка перейти къ дѣйствіямъ окончилась полной неудачей. Молодыхъ людей частью поймали и посадили въ тюрьму, частью осудили заочно. Приговоры были строги: нѣсколько человѣкъ оказались присужденными къ смертной казни. Въ числѣ присужденныхъ былъ и Гарибальди. Что было бы съ Италіей, если бы этотъ приговоръ удалось привести въ исполненіе? Мы увидимъ дальше, что сдѣлалъ Гарибальди для своей страны. Тогда мы поймемъ, какое страшное преступленіе совершили тѣ, которые за любовь къ свободѣ и къ родинѣ приговорили его къ разстрѣлянію.

Но Гарибальди удалось бѣжать. Смѣлый, ловкій, находчивый онъ сдѣлалъ то, что не удалось бы, можетъ-быть, никому изъ его товарищей. Когда, убѣгая отъ преслѣдовавшихъ его жандармовъ, онъ подошелъ къ французской границѣ, онъ увидалъ, что рѣка, отдѣлявшая обѣ страны, на-

дулась отъ дождей, и ни одинъ мѣстный житель, знакомый съ ея опасностями, не рѣшился бы переплыть рѣку даже на лодкѣ. Но слѣдомъ за Гарибальди шла погоня. Онъ бросился въ рѣку и переплылъ ее.

Оказавшись на другой сторонѣ, мокрый и усталый, онъ сейчасъ же внушилъ подозрѣніе французскимъ жандармамъ. Его арестовали и посадили подъ надзоръ нѣсколькихъ жандармовъ въ казарму. Онъ выпрыгнулъ изъ окна и бѣжалъ. Но этимъ не кончились опасности. Ему приходилось прятаться въ незнакомой странѣ, при самыхъ трудныхъ условіяхъ. Совершенно выбившійся изъ силъ и голодный, достигъ онъ какой-то деревушки. Здѣсь вошелъ онъ въ трактиръ и спросилъ поѣсть. Хозяинъ далъ ѣсть, но подозрительно поглядывалъ на него. Чтобы онъ не подумалъ, будто передъ нимъ жуликъ, Гарибальди рассказалъ ему все свое дѣло. Хозяинъ испугался.

— Я долженъ васъ арестовать, сказалъ онъ.

Гарибальди увидалъ, что дѣло плохо. Онъ уговорилъ хозяина подождать, пока онъ поѣстъ и отдохнетъ, и тогда уже извѣстить полицію. Хозяинъ согласился, но не спускалъ глазъ съ своего гостя.

Тѣмъ временемъ въ трактиръ стали заходить посѣтители, крестьяне, работники. Они размѣстились за однимъ столомъ и, весело разговаривая, стали попивать вино. Гарибальди подошелъ къ нимъ, разговорился, сталъ пѣть имъ пѣсни. Онъ пропѣлъ одну изъ пѣсенъ Беранже. Это былъ народный поэтъ, котораго любила вся Франція;

его пѣсни зналъ наизусть почти всякій французъ. Пропѣтая красивымъ итальянскимъ голосомъ, воодушевленная пѣсня Беранже расположила всѣхъ присутствующихъ въ пользу пришельца. Его пригласили къ столу, съ нимъ разговорились, и черезъ нѣсколько минутъ всѣ до такой степени сошлись и сблизились съ Гарибальди, что если бы хозяинъ трактира дѣйствительно захотѣлъ предать Гарибальди въ руки полиціи, то всѣ посѣтители встали бы на защиту гостя...

III.

Гарибальди не терялся въ виду опасности. Иначе онъ не могъ бы вести ту жизнь, которую началъ, борясь за освобожденіе. Вся жизнь его прошла среди опасностей. Онъ столько разъ былъ на волосъ отъ смерти, столько разъ ему приходилось скрываться, прятаться, стоять какъ будто лицомъ къ лицу со смертью, что безъ хладнокровія, находчивости, быстрой рѣшимости и удивительной храбрости ничто подобное было бы невозможно.

Трудно было этому человѣку, любившему свою родину, готовому отдать все для ея счастья, — трудно было ему видѣть, что эта родина унижена, придавлена тяжелымъ гнетомъ, что отъ прежней ея свободы не осталось и слѣда и что поэтому не осталось и слѣда отъ ея прежней славы. Нищета, разореніе, забитость крестьянина, униженное положеніе работника, внѣшнія пораженія — все это шло вмѣстѣ. Какъ было избавиться отъ этого? Можно ли было измѣнить дѣло? Только

что произведенная попытка показала, что пока дѣло почти безнадежно. Забиты люди, сильны войска, которыя состоятъ изъ тѣхъ же крестьянъ и работниковъ, которыхъ угнетаютъ, не понимая, что они поддерживаютъ собственное угнетеніе и собственную нищету. Гарибальди видѣлъ, что пока сдѣлать ничего невозможно, и, какъ ни ужасна была для него разлука съ родиной, онъ уѣхалъ въ Америку.

Его жизнь въ Америкѣ полна приключеній, неожиданностей, опасностей, подвиговъ и храбрости, какъ и все въ жизни этого удивительнаго человѣка. Сначала Гарибальди занимался тѣмъ, что на небольшомъ кораблѣ перевозилъ товары. Но скоро эта жизнь надоѣла ему. Онъ не могъ жить безъ того, чтобы передъ нимъ не было какой-нибудь важной цѣли, — цѣли, направленной къ счастью людей.

Что можетъ доставить счастье человѣку? или вѣрнѣе, безъ чего счастье человѣка невозможно? спрашивалъ онъ себя. Первое самое важное условіе — это свобода. Не можетъ подневольный человѣкъ быть счастливымъ; онъ захотѣлъ бы подѣлиться съ другимъ своими мыслями, вмѣстѣ обсудить, какъ лучше устроить жизнь, и вдругъ ему говорятъ: этого нельзя, не позволено. Онъ хотѣлъ бы вѣровать такъ, какъ ему подсказываетъ совѣсть, но ему говорятъ: не смѣй, не позволено; вѣруй такъ, какъ тебѣ приказываютъ. Онъ желалъ бы подать совѣтъ или сказать свое мнѣніе относительно того, какъ лучше управляться, на что надо тратить народныя деньги, какъ сдѣлать страну счастливой, а ему говорятъ: не смѣй,

молчи, не твое дѣло, дѣлай, что приказываютъ. Можетъ ли при такой жизни быть счастливъ человѣкъ? Нѣтъ не можетъ, рѣшилъ Гарибальди. И, рѣшивши это, онъ уже не могъ хладнокровно видѣть, какъ одинъ человѣкъ притѣснялъ другого, какъ одна страна хочетъ подчинить себѣ другую. Онъ вездѣ хотѣлъ доставить людямъ первое, самое важное условіе для счастья — свободу.

Въ это время между однимъ маленькимъ государствомъ Америки, республикой Рио-Гранде, и другимъ очень большимъ государствомъ, Бразильской имперіей, возгорѣлась война. Маленькая республика отстаивала свою свободу; трудно ей было бороться противъ могущественнаго государства. Гарибальди видѣлъ эту трудность, но помочь слабому въ борьбѣ съ сильнымъ было для него всегда заманчивымъ дѣломъ. А когда слабый стоитъ за такое дѣло, которое Гарибальди считалъ необходимымъ для человѣческаго счастья, за свободу, то помочь ему было почти обязанностью для Гарибальди. И онъ рѣшился отдать свои силы на помощь маленькой республикѣ.

Какъ помочь? Война велась на морѣ и на сушѣ. Гарибальди былъ искусный морякъ, и вотъ онъ снарядилъ небольшой корабль, который въ честь своего оставленнаго въ Европѣ друга назвалъ „Мадзини“. На кораблѣ было всего 60 человѣкъ, но это были храбрые, сильные люди, — люди, которые такъ же, какъ и Гарибальди, рѣшились стоять за правое дѣло. Понятно, что маленькій корабль не могъ вступать въ бой съ большимъ непріятельскимъ флотомъ. Но онъ искусно тревожилъ непріятеля, узнавалъ его расположе-

являлся врасплохъ, переносилъ свои дѣйствія то туда, то сюда и сильно затруднялъ не только торговлю непріятели, но и его военныя дѣйствія.

Приходилось въ это время маленькому кораблю переносить и трудныя испытанія. Сколько разъ моряки подвергались опасности быть застигнутыми непріателемъ и пущенными ко дну. Сколько разъ приходилось бороться съ бурями, испытывать голодъ, быть въ нерѣшимости, что выбрать: идти ли прямо въ станъ непріятели, или умереть отъ голоду. Сколько разъ Гарибальди рѣшался одинъ рисковать жизнью для того, чтобы спасти остальныхъ.

Одинъ разъ, напимѣръ, голодъ дошелъ до такой степени, что матросы рѣшились высадиться на непріятельскую землю и идти на вѣрную смерть, лишь бы прекратить мученія голода. Но Гарибальди уговорилъ ихъ остаться на кораблѣ. Одинъ пошелъ онъ на незнакомый берегъ. Передъ нимъ была пустыня; не было ни жилья, ни слѣдовъ человѣческаго существованія. И, однако, непріатель могъ показаться каждую минуту; однако, опасность грозила отовсюду. Гарибальди шелъ смѣло, готовый на все. Онъ дошелъ до жилья. Здѣсь ему встрѣтилась женщина. Въ жизни и походахъ Гарибальди женщины всегда оказывались хорошими помощницами. Онъ былъ красивъ собой, смѣлъ, умѣлъ хорошо говорить. Его голосъ ласкалъ слухъ; онъ правился. Понравился онъ и этой женщинѣ. Они много говорили, и онъ рассказалъ, что привело его въ эту страну. Женщина рѣшила помочь ему и уговорила своего мужа такъ же прійти на помощь Гарибальди.

При ихъ помощи Гарибальди доставилъ на корабль цѣлаго быка.

Ему случалось нападать на купеческіе корабли. И когда онъ бралъ ихъ, пассажиры кораблей были увѣрены въ томъ, что начнется грабежъ, что имъ суждено, погибнуть, или ужъ во всякомъ случаѣ разстаться со всѣми богатствами. Но Гарибальди имѣлъ цѣлью не наживу, не незаконныя приобрѣтѣнія. Богатства его не манили. Онъ хотѣлъ только свободы тѣхъ, за кого взялся сражаться. И удивленные купцы видѣли, что имъ возвращаютъ все ихъ имущество, что ихъ жизни не угрожаетъ никакая опасность.

О жизни Гарибальди, объ его походахъ въ Америкѣ, о всемъ томъ, что онъ дѣлалъ въ Италіи, написано много книгъ. И всѣ, кто описывалъ его жизнь, сходятся въ томъ, что, кромѣ храбрости Гарибальди отличался и замѣчательнымъ великодушіемъ, т.-е. умѣньемъ отнестись съ добротой даже къ врагу. Вотъ, что говоритъ одинъ изъ самыхъ лучшихъ описателей жизни Гарибальди, человѣкъ, написавшій о немъ болѣе тысячи страницъ, Гверцони: „Многіе изъ знаменитыхъ завоевателей могли сравниться съ Гарибальди по храбрости; нѣкоторые по обширности завоеваній превосходили его; но по человѣчному отношенію при побѣдахъ, по нелюбви къ роскоши и къ почестямъ, по безкорыстію и умѣнью жертвовать собой онъ превосходилъ всѣхъ“.

Одинъ разъ въ морской битвѣ былъ убитъ лоцманъ корабля; Гарибальди сталъ на его мѣсто, и тотчасъ же непріятельская пуля ударила его въ шею, и онъ упалъ, потерявъ сознание. Убѣгая

отъ непріятеля, корабль присталъ къ чужому берегу, къ берегу той страны, которая не вела войны ни съ той, ни съ другой изъ воевавшихъ странъ. Раненаго Гарибальди приняли, къ нему отнеслись благосклонно. Призвали доктора, пуля была вынута, и вскорѣ Гарибальди поправился. Жить въ бездѣйствіи было не по его характеру. Онъ хотѣлъ уйти изъ гостепріимной страны и вновь приняться за прежнее дѣло. Но уйти было нельзя. Ему объявили, что онъ можетъ жить въ странѣ, сколько угодно, но выйти не имѣетъ права. Къ нему приставили наблюдателей, которые должны были слѣдить, чтобы онъ не вышелъ изъ города.

Гарибальди не выдержалъ бездѣйствія и бѣжалъ. Но бѣгство было неудачно. Его схватили и опять водворили на мѣсто. Но отношеніе къ нему измѣнилось. вмѣсто прежняго доброжелательнаго обращенія, его подвергли тяжелому наказанію. Его стали допрашивать, кто помогалъ ему въ бѣгствѣ. Конечно, помогавшимъ грозила бы, можетъ быть, смертная казнь. Гарибальди отвѣчалъ отказомъ назвать своихъ сообщниковъ. Тогда тотъ, кто подвергъ его допросу, пришелъ въ ярость. Онъ объявилъ, что, чего бы это ему ни стоило, добьется отвѣта.

Гарибальди былъ весь въ его власти. Въ самомъ дѣлѣ, кто могъ бы заступиться за бѣднаго изгнанника? Въ собственной странѣ, въ далекой Италіи, Гарибальди былъ приговоренъ къ смерти, и тамъ, конечно, никто бы не сталъ заявлять неудовольствія по поводу дурного обращенія съ государственнымъ преступникомъ. Напротивъ, на-

чальствующіе люди были бы очень рады, если бы его подвергли самому унижительному наказанію или даже убили бы его. Та маленькая республика, на службѣ у которой онъ находился, тоже не могла заступиться за него. И потому съ нимъ перестали стѣсняться. Допрашивающій объявилъ, что онъ не оставитъ Гарибальди въ покоѣ, пока не вырветъ у него признанія въ томъ, кто ему помогалъ.

Сначала Гарибальди били просто, потомъ его стали пытаться. Ему связали обѣ руки одной веревкой за спину и этой же веревкой вздернули его вверхъ къ поперечной балкѣ сарая. Такъ провисѣлъ Гарибальди два часа. Его сняли, когда онъ потерялъ сознание. Руки были вывихнуты, но его подвергли новымъ мученіямъ и, конечно, не добились никакого отвѣта. Отъ этихъ мукъ, продолжавшихся и въ слѣдующіе дни, Гарибальди былъ избавленъ одной изъ мѣстныхъ женщинъ, которая ухаживала за нимъ, перевязывала его раны и сдѣлала его вновь способнымъ держать оружіе.

Черезъ много времени послѣ этого, когда Гарибальди былъ уже на службѣ у другой республики и сражался со страной, въ которой его мучили, онъ взялъ въ плѣнъ того самаго человѣка, который подвергъ его пыткамъ и обнаружилъ къ нему такую безжалостность. Онъ не могъ ждать жалости и отъ Гарибальди. Онъ приготовился къ смерти. Но Гарибальди, узнавъ о томъ, кто находится у него въ плѣну, не захотѣлъ его видѣть и велѣлъ немедленно освободить его. Онъ думалъ, что о своихъ обидахъ не надо помнить, когда дѣло идетъ о свободѣ многихъ людей.

Немного времени прошло послѣ тѣхъ мученій, которымъ былъ подвергнутъ Гарибальди за бѣгство, какъ онъ задумалъ о новомъ. На этотъ разъ попытка его оказалась болѣе успѣшной. Онъ вновь примкнулъ къ войскамъ республики.

Какъ начальникъ небольшого флота, онъ нападалъ на непріятеля и на сушѣ, и на морѣ. Приходилось ему сражаться и съ большими непріятельскими кораблями, приходилось вновь выносить бури и кораблекрушенія. Одинъ разъ непріятельскій отрядъ, большой и хорошо вооруженный, напалъ на нихъ, когда, не ожидая нападенія, небольшой отрядъ Гарибальди разбрелся по берегу. Гарибальди чуть не попалъ въ плѣнъ, но, благодаря своей находчивости и смѣлости, скрылся отъ непріятеля, быстро собралъ своихъ воиновъ и, несмотря на ихъ сравнительную малочисленность, напалъ на непріятеля съ такой стремительностью, что обратилъ его въ бѣгство и одержалъ полную побѣду.

Но одна прошедшая опасность сейчасъ же вела за собой другую. Однажды корабль, на которомъ былъ Гарибальди, потерпѣлъ кораблекрушеніе. Многіе потонули. Гарибальди былъ отличный пловецъ; онъ не только спасся самъ, но и спасъ нѣкоторыхъ другихъ.

Въ этомъ кораблекрушеніи онъ потерялъ одного изъ своихъ близкихъ пріятелей, и это горе было для него труднѣе пережить, чѣмъ собственную опасность.

Во время этой войны онъ женился. Женитьба его была такъ же непохожа на свадьбы другихъ людей, какъ и вся жизнь его. Однажды съ борта

своего корабля онъ увидалъ нѣсколько молодыхъ людей и молодыхъ женщинъ весело болтавшихъ на берегу. Среди этихъ женщинъ ему сразу понравилась одна. Онъ долго слѣдилъ за нею и на слѣдующій же день, когда она вновь показалась на берегу, сошелъ на землю и заговорилъ съ нею. Уже было сказано, что онъ легко нравился женщинамъ; понравился и этой. Уже въ концѣ разговора онъ сказалъ ей: „будь моею женою“. Прошло нѣсколько дней; однажды вечеромъ онъ явился къ ея дому, взялъ ее за руку и при общемъ изумленіи родныхъ повелъ ее съ собой на корабль. Раньше, чѣмъ могли опомниться и принять серьезныя мѣры противъ похищенія, Гарибальди былъ уже на кораблѣ подъ защитою своихъ пушекъ. Ее звали Анита. Она стала женою Гарибальди. Она участвовала въ его войнахъ, въ походахъ, переживала тѣ опасности и лишения, которыя приходилось и ему переживать. И умерла она во время одного изъ самыхъ трудныхъ походовъ.

Ничего не измѣнилось въ поведеніи и въ жизни Гарибальди съ женитьбой. Анита переносила тяжести военной жизни довольно легко. Ничего не измѣнилось въ его жизни и черезъ годъ послѣ женитьбы, когда родился ребенокъ. Гарибальди съ женою и сыномъ такъ же отваживался на рискованныя попытки, какъ было и безъ нихъ. И когда нѣсколько времени спустя ему пришлось безъ кораблей и безъ войска въ качествѣ торговца быками переходить въ другую республику, въ Монтевидео, онъ шелъ съ женою и съ ребенкомъ и не тяготился тѣмъ, что трудности жизни его уве-

личились, что ему надо заботиться еще о близкихъ людяхъ. Онъ и безъ того все время заботился о другихъ, и новыя заботы не прибавили ничего новаго къ трудностямъ его походовъ. Храбрость его не уменьшилась; готовность отдать свою жизнь за свободу не потерпѣла никакихъ измѣненій.

Съ женой и сыномъ перешелъ онъ въ новую мѣстность, къ другимъ жителямъ, въ Монтевидео. Здѣсь тоже шла война. Тоже небольшая республика билась за свою свободу. Но Гарибальди первое время не думалъ принять въ ней участія. Онъ прежде всего хотѣлъ найти средства, чтобы прокормить жену и сына. Однако, ему не пришлось оставаться долго безъ военнаго дѣла. Слава о его подвигахъ уже долетѣла до Монтевидео. Къ нему и здѣсь обратились съ просьбой командовать маленькимъ флотомъ противъ большого и сильнаго непріятельскаго флота, во главѣ котораго стоялъ англійскій адмиралъ. Гарибальди ясно видѣлъ, что побѣдить невозможно. Но онъ зналъ, что отступать нельзя, что для поддержанія духа республиканцевъ, для сохраненія ихъ мужества необходимо исполнить ту работу, которую на него накладывали, хотя бы дѣло кончилось гибелью всѣхъ кораблей и всего войска.

Одинъ разъ онъ исполнилъ очень трудную задачу. Воспользовавшись погодой, онъ провелъ свои корабли среди непріятельскаго флота. Но вотъ пришлось его маленькому флоту сразиться съ большимъ флотомъ непріятеля. Три дня и три ночи длилось сраженіе. Гарибальди дѣлалъ чудеса; необыкновенную храбрость проявили и его подчиненные. Но неравенство силъ было слиш-

комъ велико. Становилось ясно, что три корабля должны стать добычей непріятеля, что матросы должны сдаться въ плѣнь. И вотъ, когда дѣло дошло до этого, Гарибальди потопилъ эти три корабля, а самъ съ двумястами уцѣлѣвшихъ солдатъ уплылъ въ виду непріятеля.

Война продолжалась. Гарибальди во главѣ итальянскаго отряда дрался съ такою же храбростью и умѣньемъ на сушѣ, какъ и на морѣ. Одна битва въ особенности покрыла славой Гарибальди и его воиновъ. Съ маленькимъ отрядомъ, въ которомъ было не болѣе двухсотъ человекъ пѣхоты и немногимъ болѣе конницы, онъ бился противъ гораздо болѣе сильнаго и многочисленнаго непріятеля и, потерявъ около полусотни убитыми, одержалъ полную побѣду надъ непріятелемъ. Поздравленія и благодарности были наградой для маленькаго отряда. Въ знакъ признательности жители республиканскаго правительства поднесли отряду вышитое знамя, на которомъ было написано число и годъ битвы итальянскаго отряда подъ начальствомъ Гарибальди.

IV.

Прошло уже 12 лѣтъ съ тѣхъ поръ, какъ Гарибальди оставилъ свою родину. Битвы, походы, опасности — ничто не заставляло его забывать, что тамъ далеко, на его родинѣ, люди живутъ въ неволѣ и несчастіи. Гарибальди велъ дѣятельную переписку съ друзьями, оставшимися въ Европѣ. Настало ли время, спрашивалъ онъ, чтобы вернуться въ Италію и вновь начать борьбу за ея освобожденіе. Вѣсти приходили, по большей части.

печальныя. Но вотъ, въ 1847 году стали приходять болѣе утѣшительныя письма. Говорили, что можно попытать кое-что и что успѣхъ не невозможенъ. Гарибальди не могъ долго оставаться въ Америкѣ послѣ этихъ вѣстей и торопился вернуться домой. Онъ послалъ одного изъ знакомыхъ итальянцевъ къ Мадзини для переговоровъ о томъ, что и какъ надо дѣлать, и въ концѣ 1847 года отправилъ въ Итацію жену и трехъ дѣтей.

Черезъ нѣсколько мѣсяцевъ онъ отправился и самъ. вмѣстѣ съ 85 товарищами сѣлъ онъ въ апрѣлѣ 1848 года на пароходъ, отплывавшій изъ Монтевидео въ Европу. Спутники его были люди, испытанные въ бояхъ, итальянцы, оставившіе родину по тѣмъ же причинамъ, по которымъ пришлось ее оставить Гарибальди.

Что-то увидятъ они на родинѣ? Чѣмъ, думалъ Гарибальди, встрѣтитъ его отечество, 12 лѣтъ назадъ приговорившее его къ смерти. Онъ уѣхалъ оттуда совсѣмъ молодымъ человекомъ. Теперь ему было уже 38 лѣтъ. Было испытано такъ много всякихъ лишеній, такъ трудна была походная жизнь, что для другого характера уже наступило бы раздумье и желаніе пожить спокойно со своей семьей, вдали отъ опасностей и невзгодъ. Но Гарибальди былъ не таковъ. Онъ любилъ родину, и до тѣхъ поръ, пока она не была свободна и объединена, онъ не могъ успокоиться. Онъ ѣхалъ домой и думалъ не о спокойствіи, а о томъ, насколько дѣятельнѣе и смѣлѣе стали его соотечественники, и удастся ли совершить то, что не удалось 12 лѣтъ назадъ.

Спутники предполагали, что полиція могла узнать объ ихъ возвращеніи на родину и съ первыхъ же шаговъ могла уничтожить ихъ замыслы, арестовавъ всѣхъ приѣхавшихъ. Поэтому было рѣшено высадиться въ укромномъ мѣстечкѣ и уже оттуда ѣхать на свиданіе съ друзьями для того, чтобы рѣшить, когда и какъ приступать къ дѣйствіямъ.

По дорогѣ они лихорадочно прислушивались къ вѣстямъ, доносившимся изъ Италіи. Въ одномъ мѣстѣ имъ удалось узнать, что въ сѣверной Италіи произошло возмущеніе. Дѣло въ томъ, что незадолго до этого времени, въ февралѣ того же 1848 года, во Франціи народъ измѣнилъ свое управленіе. вмѣсто бывшей до того времени королевской власти народъ устроилъ республику, т.-е. установилъ, что во главѣ управленія не должно стоять человѣка, который пріобрѣлъ это право по наслѣдству. Была провозглашена свобода; было задумано много измѣненій для улучшенія участи рабочаго класса.

То, что произошло во Франціи, дошло и до другихъ странъ. Въ Пруссіи, въ Австріи народъ потребовалъ измѣненія правленія. До тѣхъ поръ король могъ издавать какіе ему угодно законы, рѣшать все, какъ самъ желаетъ. Народъ потребовалъ, чтобы были выборные народомъ представители, которые и рѣшали бы, какіе законы хороши. Были въ этихъ странахъ большіе беспорядки, большія возмущенія, пока короли не сдались и не согласились на то, чтобы созывались народные представители.

Распространилось это движеніе и на Италію.

Въ сѣверной Италіи, часть которой, какъ мы знаемъ, находилась подъ австрійскимъ владычествомъ, народъ возсталъ, прогналъ австрійцевъ и провозгласилъ свободу. Гарибальди и его спутники узнали объ этомъ въ дорогѣ. Радости ихъ не было конца. Они возвращались теперь уже не въ угнетенную, страдавшую и униженную Италію. Они возвращались къ свободному народу, который самъ умѣлъ добыть себѣ свободу, и слѣдовательно, долженъ былъ дорожить ею и понимать то благо, которое она даетъ.

Теперь уже не было надобности крадучись высаживаться на пустынномъ берегу; теперь при свѣтѣ дня въ самомъ многочисленномъ мѣстѣ могли высадиться изгнанники, такъ долго оторванные отъ родины.

24-го іюня высадились они въ Ниццѣ при громкихъ крикахъ встрѣчавшей ихъ толпы. Въ первый еще разъ Италія встрѣчала Гарибальди восторженными криками. Изгнанникъ, приговоренный 12 лѣтъ назадъ къ разстрѣлянiю, теперь признанъ былъ истиннымъ сыномъ родины, другомъ народа, для счастья котораго жертвовалъ собой. Что казалось королямъ преступленіемъ, то народъ призналъ добрымъ и хорошимъ дѣломъ, подвигомъ.

Объ американскихъ походахъ Гарибальди знали уже многіе; знали все, что онъ сдѣлалъ для свободы, и вотъ, на пристани Ниццы, на ея улицахъ, повсюду, гдѣ встрѣчали Гарибальди, его привѣтствовали, ему кричали „ура“. Гарибальди уже съ этого времени сталъ любимцемъ народа. Чѣмъ дальше, тѣмъ больше росла его слава, тѣмъ болѣе понималъ народъ, какому ве-

ликому дѣлу, — дѣлу народнаго освобожденія, служить Гарибальди.

Но время, въ которое пріѣхалъ Гарибальди, было уже не такъ благопріятно для освобожденія Италіи, какъ за нѣсколько недѣль передъ тѣмъ. Австрійцы, застигнутые врасплохъ и прогнанные, собрались теперь съ новыми силами и грозили новымъ захватомъ освобожденныхъ мѣстностей.

Пьемонтскій король Карлъ Альбертъ, который, какъ мы знаемъ, нѣсколько лѣтъ назадъ велѣлъ арестовать Мадзини за то, что тотъ требовалъ его дѣятельнаго участія для освобожденія Италіи, былъ въ эти дни возстанія за одно съ итальянцами. Онъ вывелъ свои войска противъ австрійцевъ. Но къ этому времени, ко днямъ вмѣшательства Гарибальди въ дѣло освобожденія, Карлъ Альбертъ уже не обнаруживалъ прежняго пыла. Его войско послѣ трехъ дней битвы было разбито; вся сѣверная Италія была открыта австрійскимъ войскамъ.

При такихъ обстоятельствахъ приходилось дѣйствовать Гарибальди, назначенному командовать добровольцами.

Еще до того времени, пока Карлъ Альбертъ не терялъ духа, можно было дѣйствовать. Но король, приглашавшій сначала своихъ подданныхъ побѣдить или умереть за свободу Италіи, въ концѣ концовъ, увидавъ бесполезность дальнѣйшаго сопротивленія, заключилъ перемиріе съ австрійцами. Народъ, который уже свыкъся съ мыслью, что австрійцы прогнаны, который довѣрился словамъ Карла Альберта о томъ, что надо побѣдить или умереть, былъ возмущенъ пере-

миріемъ. Короля осадили въ его собственномъ дворцѣ; народъ называлъ его измѣнникомъ и угрожалъ его жизни. Король принужденъ былъ бѣжать.

Въ распоряженіи Гарибальди сначала было около 5000 добровольцевъ; потомъ число ихъ понизилось до тысячи. Что можно было сдѣлать съ этой горсточкой противъ регулярныхъ австрійскихъ войскъ? Но Гарибальди всю жизнь выступалъ съ небольшими отрядами противъ большихъ непріятельскихъ армій; не испугался онъ и на этотъ разъ. Онъ думалъ, что для дѣла свободы лучше гибель съ оружіемъ въ рукахъ, чѣмъ признаніе своей слабости и добровольное подчиненіе. Онъ думалъ, что память о его сопротивленіи побудитъ народъ дѣятельно добиваться въ будущемъ свободы.

Первая его стычка съ непріателемъ была удачна. Онъ разсѣялъ большой австрійскій отрядъ. Но потомъ австрійцы съ разныхъ сторонъ подошли съ большими войсками, намѣреваясь совершенно окружить гарибальдійцевъ. Гарибальди быстро сообразилъ опасность, которая грозила ему, и ушелъ изъ-подъ носа австрійцевъ, перейдя на нейтральную швейцарскую землю. Онъ спасъ отрядъ, но спасти сѣверную Италію онъ уже не могъ. Дѣло ея освобожденія откладывалось до болѣе поздняго времени.

Не вездѣ, однако, оно откладывалось. Скоро въ самой срединѣ Италіи, тамъ, гдѣ цѣлая область считалась церковной землей и въ которой главнымъ лицомъ былъ католическій папа, произошли событія очень важныя. Народъ возсталъ, и папа былъ принужденъ бѣжать. Было назна-

чено новое народное правительство. Но противъ этого правительства, противъ новыхъ порядковъ въ этой области и въ ея главномъ городѣ Римѣ возстали сосѣдніе короли и иностранныя державы, которымъ было важно сохраненіе прежняго порядка. Во Франціи уже не было того управленія, которое было выбрано тотчасъ за провозглашеніемъ республики. Новое правительство находило выгоднымъ для себя униженіе Италіи подъ властью папы. Оно послало войско подъ начальствомъ генерала Удино для завоеванія Рима и возвращенія этой области папѣ. Кромѣ французскаго войска грозило возставшимъ и войско бурбонскаго короля.

При такихъ обстоятельствахъ возставшіе призвали Гарибальди. И опять-таки трудно было надѣяться на побѣду. Трудно потому, что и войско у французовъ было лучше обучено, и потому, что вмѣстѣ съ французами дѣйствовали противъ итальянскаго освобожденія тѣ правители, которые были заинтересованы въ томъ, чтобы прежній порядокъ въ Италіи продолжался. Но Гарибальди готовился къ войнѣ и готовилъ своихъ солдатъ. Въ теченіе того промежутка времени, когда французскія войска направлялись въ Италію, онъ успѣлъ образовать хорошихъ солдатъ изъ своихъ добровольцевъ.

Французы высадились въ Италіи и шли на Римъ; приближалось серьезное дѣло. 30-го апрѣля недалеко отъ Рима встрѣтились французскія войска съ защитниками Рима. Сраженіе было жаркое. Тогда не было тѣхъ усовершенствованныхъ орудій, которыя теперь уничтожаютъ цѣлыя арміи задолго до того, когда враждующіе подой-

дутъ близко другъ къ другу. Тогда былъ просторъ прямымъ столкновениемъ грудь съ грудью, просторъ смѣлымъ атакамъ верхомъ и въ пѣшемъ строю. И въ этой битвѣ, въ этихъ атакахъ, столкновеніяхъ, въ командованіи отличился Гарибальди. Битва была выиграна, главнымъ образомъ благодаря ему. А выиграна она была блестяще. Итальянцы потеряли сравнительно немного. Противникъ же потерялъ много убитыхъ и раненыхъ. Кромѣ того цѣлый отрядъ, наиболѣе храбрый и благодаря своей храбрости врѣзавшійся въ середину итальянскихъ войскъ, былъ взятъ въ плѣнъ.

Эта битва вызвала всеобщее ликование. Гарибальди прославляли далеко за предѣлами Рима. Надежда на то, что Риму удастся отстоять свою самостоятельность и упрочить республиканское управленіе, которое тамъ образовалось, возросла.

Но надежды продолжались недолго. Французы скоро оправились. Опасность быстро возросла. Опять встрѣтились оба войска. На этотъ разъ главное командованіе войсками было въ рукахъ нѣкоего Роселли. Это былъ человѣкъ, умѣвшій хорошо расположить войска въ ожиданіи непріятеля, составить приказанія, куда идти войскамъ, какъ наступать и т. д. Но примѣниться къ тому, что всегда неожиданно выступаетъ на полѣ битвы, онъ не умѣлъ. Въ этомъ отношеніи онъ не могъ сравниться съ Гарибальди. Этотъ послѣдній отличался особеннымъ умѣньемъ найтись въ трудныхъ обстоятельствахъ. Какъ бы неожиданно не было наступленіе непріятеля, какой бы ловкій маневръ непріятель ни придумывалъ, онъ всегда заставлялъ Гарибальди какъ будто готовымъ, какъ

будто предвидѣвшимъ заранѣе этотъ маневръ и такое наступленіе.

Роселли придумалъ хорошій планъ сраженія, но онъ не сумѣлъ найтись въ затруднительныхъ обстоятельствахъ. И хотя Гарибальди, командовавшій отрядомъ, настаивалъ, чтобы въ нужную минуту онъ измѣнилъ планъ и поступилъ иначе, Роселли не рѣшился, и сраженіе было проиграно.

Съ этихъ поръ началось медленное отстаиваніе римской земли передъ наступающими войсками непріятеля. Итальянцы продавали дорого каждую частичку земли, которую отвоевывали французы. Они бились храбро. Сражались и передъ Римомъ, и тогда, когда началась правильная осада Рима французскими войсками. Были испробованы всѣ средства, напряжены всѣ усилія, исчерпаны всѣ источники защиты. Наконецъ, временное правительство увидѣло себя вынужденнымъ прекратить сопротивленіе.

Тогда — это было 2 іюля 1849 года — Гарибальди собралъ на площади Рима оставшихся солдатъ своего отряда и сказалъ имъ: „Солдаты! Я ухожу изъ Рима. Кто хочетъ продолжать войну противъ иноземнаго врага, пусть идетъ со мной. Я не могу предложить вамъ ни почестей, ни денегъ; я предлагаю только голодъ, жажду, утомительные походы, битвы и смерть. Кто любитъ отечество, пусть слѣдуетъ за мной!...“

За нимъ послѣдовали только 3000 человекъ; между ними были люди, дѣйствительно готовые переносить канія угодно напасти, были дѣйствительно любившіе отечество. Но были и такіе, которые послѣдовали за Гарибальди, только увле-

ченные его пламенной рѣчью или боявшіеся остаться въ Римѣ. Гарибальди приходилось считаться со всеѣми этими условіями. Приходилось ободрять, уговаривать, воодушевлять, постоянно бодрствовать и слѣдить за духомъ солдатъ.

А выносить голодъ, жажду, опасности и необыкновенно трудные переходы приходилось всеѣмъ. Гарибальди задумалъ идти на сѣверъ для того, чтобы въ одной изъ итальянскихъ областей, Тосканѣ, поднять населеніе противъ иностранцевъ и съ помощью этого населенія и съ помощью своего маленькаго отряда сдѣлать то, что не удалось сдѣлать на самомъ сѣверѣ Италіи и въ Римѣ.

Путь былъ труденъ. Надо было пробраться среди французскихъ войскъ, которыя шагъ за шагомъ преслѣдовали маленькій отрядъ гарибальдійцевъ. Надо было опасаться австрійцевъ, которые гнались съ другой стороны; надо было, наконецъ, бояться тосканскихъ войскъ, которыя ждали съ сѣвера, чтобы раздавить маленькій отрядъ.

Гарибальди совершалъ съ своимъ отрядомъ такіе быстрые переходы, такъ много приходилось дѣлать верстъ безъ отдыха, пищи, въ виду постоянной опасности, что, когда объявлялся маленькій приваль, люди падали истомленные въ надеждѣ хоть продолжительнымъ сномъ возстановить свои силы. Но и спать нельзя было. Въ виду близости непріятеля Гарибальди устроилъ развѣдки и эти развѣдки извѣщали его о каждомъ передвиженіи непріятеля. И вотъ, когда люди только что готовились отдохнуть, развѣдочный отрядъ извѣщаль, что новыя войска французовъ подходятъ съ одной стороны, готовясь захватить

гарибальдійцевъ врасплохъ. Приходилось сниматься и уходить въ другую сторону Тамъ другой развѣдочный отрядъ извѣщалъ, что приближаются австрійцы. Опять снимались съ лагеря и шли дальше, уклоняясь то отъ одного, то отъ другою неприятеля...

Послѣ долгаго утомительнаго пути, послѣ массы опасностей Гарибальди со своимъ отрядомъ дошелъ до Тосканы. Здѣсь думалъ онъ найти откликъ на свои воззванія; отсюда думалъ онъ вновь начать прерванное дѣло освобожденія Италіи. Онъ обратился съ воззваніемъ къ населенію; онъ призывалъ народъ сбросить иностранное иго. Но все было напрасно: народъ усталъ, и на его призваніе не послѣдовало отвѣта. Маленькій отрядъ не сдѣлался больше. Что было дѣлать Гарибальди? Бросить все дѣло? Оставить людей на произволь судьбы, предложивъ имъ разойтись? Это сдѣлалъ бы, можетъ-быть, кто-нибудь другой, но Гарибальди имѣлъ одну мысль — освободить Италію, и пока въ его власти были двѣ тысячи воиновъ, готовыхъ сразиться, онъ не терялъ надежды.

Не успѣвъ въ Тосканѣ, онъ направилъ свои взоры на другую итальянскую провинцію, на Венецію. Тамъ думалъ онъ найти людей, готовыхъ поддержать его. Но какъ добраться до Венеціи? Надо было пройти черезъ занятую австрійскими войсками страну, добраться до моря, найти тамъ корабли и уже на корабляхъ подойти къ Венеціи. Исполнить этотъ планъ было почти невозможно, Тѣмъ не менѣе Гарибальди попытался.

Съ прежними предосторожностями, съ прежними опасностями и приключеніями прошелъ онъ че-

резъ австрійскія войска и дошелъ до маленькой республики Санъ-Марино, которая, какъ онъ надѣялся, дастъ имъ свободный пропускъ. Но дѣло оказалось не такъ просто. Республиканское правительство Санъ-Марино охотно пропустило бы гарибальдійцевъ, но оно опасалось Австріи. Поэтому оно обратилось къ австрійцамъ за разрѣшеніемъ пропустить Гарибальди и его отрядъ. Австрійцы, конечно, отвѣчали отказомъ. Что было дѣлать маленькой республикѣ? Не послушаться австрійцевъ? Но тогда послѣдуетъ немедленное нашествіе австрійскихъ войскъ въ республиканскія владѣнія и, можетъ-быть, разрушеніе республики. Съ австрійцами, во что бы то ни стало, надо было жить мирно. Отказать гарибальдійцамъ? Но тогда они пройдутъ силой черезъ владѣнія маленькой республики; а въ виду того, что ихъ не пропустили мирно, они могутъ разорить страну.

Опять начались переговоры съ австрійцами, а отрядъ Гарибальди стоялъ у владѣнія Санъ-Маринской республики въ ожиданіи, что его пропустятъ... Австрійцы все время хотѣли ареста гарибальдійцевъ и суда надъ ними. Они смотрѣли на ихъ походъ, какъ на возстаніе противъ установленныхъ властей. Долго продолжались переговоры, пока, наконецъ, австрійцы не предложили такія условія: весь отрядъ гарибальдійцевъ долженъ сдать свое оружіе республикѣ, разойтись по домамъ. Никто не будетъ ни судимъ, ни преслѣдуемъ. Что касается до Гарибальди, то австрійское правительство соглашалось и его избавить отъ отвѣтственности, если только онъ немедленно

уѣдетъ въ Америку и болѣе не появится въ Италиі.

Большая часть утомленнаго отряда приняла условія: слишкомъ ужъ тяжела была ихъ жизнь, слишкомъ мало было надежды на успѣхъ дѣла. Но Гарибальди не сдался. Онъ собралъ наиболѣе мужественныхъ и вѣрныхъ товарищей и сказалъ имъ: „Кто хочетъ за мной слѣдовать, тому я предлагаю новыя битвы, новыя страданія, изгнаніе, но никакихъ договоровъ съ чужеземцами“. Двѣсти человекъ согласились за нимъ слѣдовать.

Начались новыя мытарства, новыя попытки сдѣлать невозможное. Между войсками непріятеля ночью Гарибальди ушелъ со своей маленькой арміей, перебрался по узкимъ и труднымъ тропинкамъ черезъ горы, добрался до моря, напалъ неожиданно на находившихся у моря австрійскихъ жандармовъ, завладѣлъ рыбацкими лодками, стоявшими въ гавани, погрузилъ туда весь свой отрядъ и взятыхъ въ плѣнъ жандармовъ и поплылъ по направленію къ Венеціи.

Это путешествіе было особенно тяжело и трудно для Гарибальди. Съ нимъ была Анита, но уже не прежняя, здоровая и молодая Анита, легко переносившая всѣ тяжести военной жизни. Теперь она была больна и сильно больна. Къ тому же она была беременна. Но по своему характеру она оставалась прежней. Она не жаловалась, не показывала вида, что морское путешествіе причиняетъ ей тяжкія страданія. Но она каждую минуту лишалась чувствъ и привести ее къ жизни было трудно.

Поднялась буря. Вынести морскую бурю на хорошемъ кораблѣ можно, но на небольшихъ рыбацкихъ лодкахъ трудно. Въ довершеніе не-

счастія прямо передъ бѣглецами утромъ показался австрійскій военный флотъ. Восемь лодокъ сдѣлались добычей непріятели. Только пяти лодкамъ удалось спастись. Гарибальди вмѣстѣ съ больной, постоянно терявшей сознание Анитой высадился на берегъ. Его преслѣдовали жандармы. Но ему удалось укрыться въ домѣ сочувствовавшего ему человѣка. Здѣсь умерла Анита. Самъ Гарибальди бѣжалъ за границу.

Такъ кончилась его новая попытка освободить Италію. Мы увидимъ въ дальнѣйшемъ разсказѣ, какъ измѣнилась потомъ судьба по отношенію къ Гарибальди, какъ удалось ему исполнить свою задачу. Велики были потомъ его подвиги. Но работать тогда, когда дѣло удается, можетъ и не очень сильный человѣкъ. Но не терять мужества, когда все измѣняетъ, когда самые храбрые приходятъ въ отчаяніе, когда цѣль такъ далека, а настоящее такъ трудно, — не терять мужества при этихъ условіяхъ и работать могутъ только такіе убѣжденные и самоотверженные люди, такіе богатыри, какъ Гарибальди.

Никакія невзгоды не могли заставить его войти въ соглашеніе съ тѣми, кого онъ считалъ врагами народа. Онъ имѣлъ въ виду одну цѣль, ту самую цѣль, за которую почти полтора десятка лѣтъ назадъ былъ приговоренъ къ смертной казни, изъ-за которой потомъ испыталъ долгіе годы изгнанія, для которой вернулся въ Италію и перенесъ здѣсь столько невзгодъ. Онъ потерялъ жену, потерялъ многихъ друзей; всѣ были принесены въ жертву тому же дѣлу народнаго освобожденія. Но онъ не потерялъ мужества. И, уѣзжая

за границу, онъ только отложилъ новую борьбу до болѣе благопріятнаго времени.

Но положеніе его во всякомъ случаѣ было трудное. Ему было уже сорокъ два года. И въ эти годы надо было подумывать о томъ, чѣмъ прокормить себя въ чужой странѣ, среди болѣе молодыхъ, болѣе привычныхъ ко всякимъ работамъ людей. Надо было приниматься за незнакомый трудъ, начинать неиспытанную, чуждую жизнь. Но Гарибальди не боялся ничего. Онъ не терялъ мужества, не гнушался никакимъ трудомъ, не страшился никакихъ лишеній. Его имя было уже извѣстно всему міру; всѣ знали, что онъ побѣдилъ регулярное французское войско 30 апрѣля 1849 года. И этотъ побѣдитель, этотъ прославленный всѣми человекъ поступилъ простымъ рабочимъ на свѣчной заводъ въ одномъ изъ городовъ Америки, куда вновь занесла его судьба.

V.

Прошло много лѣтъ. Изъ чужихъ странъ можно было, наконецъ, вернуться къ берегамъ Италіи. Много испытаній, униженій, отчаянія пережилъ за эти годы Гарибальди. Вдали отъ родины, вдали отъ любимаго дѣла дѣятельному и любящему родину человеку жить было томительно.

И когда можно было вернуться, наконецъ, къ берегамъ Италіи, на душѣ у Гарибальди было невеселѣе. Все такъ же изнывала страна подъ гнетомъ австрійцевъ, бурбоновъ, папы и другихъ властителей. Гарибальди поселился на небольшомъ островѣ Капрерѣ, гдѣ занимался сельскимъ хо-

зайствомъ, съ огорченіемъ видя, что часъ освобожденія Италіи еще не настала.

Но, наконецъ, протекли и эти годы. Гарибальди пошелъ уже 53-й годъ, когда къ нему обратилась за помощью та самая итальянская область, гдѣ много лѣтъ назадъ онъ былъ приговоренъ къ смерти. Въ сѣверной Италіи за это время произошло измѣненіе. Вмѣсто короля Карла Альберта, который такъ сурово отвѣтилъ на предложеніе идти во главѣ итальянцевъ для освобожденія отечества отъ чужеземнаго ига, сдѣлался королемъ Викторъ Эмануиль. Этому королю казалось, что стоять во главѣ людей, освобождающихъ отечество отъ гнета, — великое и почетное дѣло. Въ подчиненной ему области еще при Карлѣ Альбертѣ, жизнь была свободная и законная. Королевство управлялось не такъ, какъ другія итальянскія области. Здѣсь народъ избиралъ своихъ представителей, которые вырабатывали законы для страны, рѣшали, сколько надо платить налоговъ, на что надо тратить государственныя средства. И какъ рѣшали народные представители, такъ и шло управленіе. Первымъ министромъ былъ человекъ очень умный и любившій родину. Его звали Кавуръ.

Кавуръ имѣлъ большое вліяніе на Виктора Эмануила. Онъ подсказывалъ ему стоять за свободу Италіи; онъ внушалъ ему разсориться съ австрійцами и прогнать ихъ изъ сѣверной Италіи. Но прогнать одними своими силами было трудно. Кавуръ желалъ заключить союзъ съ французами, чтобы при ихъ помощи изгнать австрійцевъ. Заключить союзъ ему удалось; удалось и сдѣлать

такъ, чтобы австрійцы сами объявили войну. При этихъ обстоятельствахъ и Кавуръ, и Викторъ-Эмануилъ вспомнили о Гарибальди. Получивъ помощь человѣка, одно имя котораго вызываетъ у каждаго итальянца память о славныхъ походахъ, о свободѣ, о неустрашимости и безкорыстїи, — получить помощь такого человѣка значило наполовину обезпечить себѣ побѣду. Гарибальди былъ приглашенъ Кавуромъ, который просилъ его еще до начала военныхъ дѣйствїй съ Австрїей держаться наготовѣ.

Австрійская армія въ 170 тысячъ человѣкъ вторглась въ Италію. Противъ нея пьемонтцы, т.-е. жители Пьемонта, королевства Виктора Эмануила, могли поставить только 60 тысячъ человѣкъ. Но приближалась французская армія въ 120 тысячъ. Такимъ образомъ общая численность войскъ была приблизительно одинакова. Гарибальди, которому дали чинъ генерала, командовалъ отрядомъ такъ называемыхъ альпійскихъ охотниковъ. На этотъ разъ судьба была болѣе благоприятна дѣлу свободы, чѣмъ въ прошлые годы. Соединеннымъ арміямъ французовъ и пьемонтцевъ удалось разбить австрійцевъ въ двухъ битвахъ (Маджента и Сольферино). Гарибальди въ двухъ отдѣльныхъ битвахъ также разбилъ отрядъ австрійскаго генерала Урбана.

Все шло прекрасно. Передъ Гарибальди и передъ другими итальянцами, любившими свою страну и желавшими ей свободы, уже виднѣлся день, когда вся Италія будетъ соединена въ одно свободное государство, когда иностранное владычество будетъ окончательно уничтожено.

Но неожиданно для нихъ въ поведеніи Франціи произошла перемѣна.

Въ это время во Франціи царствовалъ Наполеонъ III, человекъ, достигшій власти незаконно, незаконно подавившій свободу въ своей странѣ и боявшійся свободнаго вѣтра изъ сосѣдней Италіи. Продолжать войну съ Австріей ему показалось опасно. Онъ подумалъ, что объединенная Италія представитъ опасность для Франціи, не для французскаго народа, конечно, а для самого Наполеона... И вотъ, послѣ побѣды, которая такъ обнадежила итальянцевъ, Наполеонъ вдругъ рѣшилъ заключить съ Австріей миръ. По этому миру Австрія отдала часть своихъ владѣній въ сѣверной Италіи. Итальянское королевство, ограниченное прежде небольшою областью, теперь увеличилось, но все-таки было еще далеко до полнаго освобожденія всей Италіи. Одна изъ сѣверныхъ областей Италіи, Венеція, оставалась у австрийцевъ. Не были присоединены къ Пьемонту и многія другія части Италіи.

Этотъ миръ былъ страшнымъ ударомъ для всѣхъ, кто думалъ о томъ, что до полнаго объединенія Италіи такъ недолго ждать. Ко всѣмъ перечисленнымъ потерямъ, связаннымъ съ этимъ миромъ, прибавилось еще то, что Франція отобрала себѣ Ниццу.

Родина Гарибальди такимъ образомъ перешла въ руки Франціи. Гарибальди былъ возмущенъ всей этой исторіей, и свое возмущеніе не скрывалъ ни передъ французами, ни передъ Италіей. Онъ, который такъ много сдѣлалъ для итальянскаго освобожденія увидалъ, что опять его труды, если не

совсѣмъ уничтожены, то во многомъ испорчены.

Но помочь дѣлу въ этой сторонѣ было уже невозможно, надо было обратить взоры на другую часть Италіи. Мы уже говорили, что самой несчастной областью, изнывавшей подъ игомъ бурбонскихъ королей, была южная часть Италіи съ городомъ Неаполемъ и островомъ Сициліей. Здѣсь произволъ жестокихъ и глупыхъ королей сначала Фердинанда II, а потомъ Франциска II, приводилъ въ отчаяніе итальянцевъ, обложенныхъ огромными налогами, обнищавшихъ и несчастныхъ. Здѣсь было еще хуже, чѣмъ въ тѣхъ мѣстностяхъ, гдѣ до войны господствовали австрійцы. Когда Фердинандъ II умеръ, то у его подданныхъ проснулась надежда на лучшее житье. Думали, что наслѣдникъ его дастъ конституцію, т.-е. сдѣлаетъ такъ, чтобы страна управлялась при помощи народныхъ представителей. Это совѣтовалъ и Викторъ Эмануиль; но полный увѣренности въ своей власти, чванный и надменный неаполитанскій король отказалъ во введеніи конституціи. Онъ рѣшилъ управлять страной какъ правилъ предыдущій король, т.-е. полновластно и, слѣдовательно несправедливо и незаконно. Если бы онъ послѣдовалъ совѣту Виктора Эмануила, если бы онъ удовлетворилъ народныя требованія и ввелъ порядокъ справедливый и законный, то, можетъ-быть, онъ удержался бы на тронѣ, и все то, что послѣдовало за этимъ, не произошло бы.

Вѣсть о томъ, что сѣверная Италія свергла австрійское иго, что она присоединилась къ Пьемонту, т.-е. къ итальянскому королевству, имѣвшему конституціонное правленіе, воодушевила и

южныхъ итальянцевъ. Начались волненія; нужно было немного, чтобы эти волненія перешли въ возмущеніе. Нужно было немного, чтобы произошло возмущеніе, это правда. Но чтобы возмущеніе имѣло успѣхъ, чтобы изъ возстанія вышло освобожденіе, для этого нуженъ былъ искусный вождь, и этимъ вождемъ сдѣлался Гарибальди.

VI.

Тутъ начинается самое важное дѣло Гарибальди, — дѣло, послѣ котораго его имя пронеслось по всѣмъ странамъ міра, послѣ котораго во всей Италіи не осталось человѣка, который бы не благословлялъ его. Началось завоеваніе Сициліи, того острова, который составлялъ часть Неаполитанскаго королевства и находился подъ властью Бурбоновъ.

Сицилія была занята войсками Бурбоновъ. Войска стояли и въ Неаполѣ, въ той части Италіи, которая почти примыкала къ острову Сициліи. Войскъ было много. Кто рѣшился бы идти туда съ маленькимъ отрядомъ? Кто сумѣлъ бы выгнать Бурбоновъ и освободить Сицилію съ ничтожными силами? Для этого нужно было, чтобы самъ сицилійскій народъ примкнулъ къ ничтожному отряду и помогъ своему освобожденію. На такое дѣло могъ бы отважиться только человѣкъ, который сумѣлъ уже внушить довѣріе населенію, за которымъ пошли бы потому, что вѣрили ему, потому что знали, что онъ не только хорошій полководецъ, но и человѣкъ, имѣющій одну цѣль — освобожденіе родины. Таковъ и былъ Гарибальди, и только онъ могъ исполнить это дѣло.

По отвагѣ, по быстротѣ исполненія, по удачности это дѣло оставило за собой все то, что до тѣхъ поръ сдѣлалъ Гарибальди.

Вечеромъ 4 мая 1860 г. громадная толпа народа стояла на набережной города Генуи. „Ѣдутъ, Ѣдутъ; сегодня ночью Ѣдутъ“, — вотъ слова, которыя передавали собравшіеся другъ другу. Кто Ѣдетъ и куда? Отправлялся Гарибальди со своими спутниками въ Сицилію. Генуя — приморскій городъ, находящійся на сѣверѣ Италіи. Оттуда до Сициліи, до острова, находящагося на самомъ югѣ Италіи, нѣсколько дней морского пути.

1200 человѣкъ откликнулись на зовъ Гарибальди. Они, какъ говоритъ Гарибальди въ оставленныхъ имъ воспоминаніяхъ, не справлялись о томъ, сколько будетъ добровольцевъ для борьбы съ врагомъ, какими средствами удастся имъ исполнить свое намѣреніе. Всѣ были воодушевлены однимъ желаніемъ поскорѣе освободить Италію. Они знали, что во главѣ ихъ находится Гарибальди, тотъ самый человѣкъ, который больше половины жизни провелъ или въ изгнаніи за попытки освободить родину, или въ войнахъ за это освобожденіе. Они знали, что онъ никогда не начиналъ дѣло съ большими войсками что и съ малыми силами ему удавалось производить чудеса. 1200 человѣкъ, откликнувшихся на зовъ Гарибальди, остались навсегда памятными всей Италіи. Ихъ такъ и называли „тысяча“ или „знаменитая тысяча“. Впослѣдствіи достаточно было сказать: „онъ принадлежитъ къ знаменитой тысячѣ Гарибальди“, чтобы всѣ относились къ этому человѣку съ уваженіемъ, чтобы передъ

нимъ раскрывались всѣ двери и каждый итальянецъ оказывалъ ему гостепріимство.

Въ числѣ спутниковъ Гарибальди были люди, имена которыхъ сдѣлались потомъ извѣстны всякому итальянцу. Биксіо былъ одинъ изъ наиболѣе приближенныхъ и наиболѣе прославившихся спутниковъ Гарибальди. Красавецъ собой, храбрый до того, что даже въ этой кучкѣ храбрецовъ его храбрость была замѣтна, онъ имѣлъ и вѣрный глазъ, и быстрое соображеніе. Въ ночь съ 4-го на 5-е мая онъ захватилъ два стоявшіе въ Генуѣ корабля и привелъ ихъ въ маленькую приморскую деревушку, гдѣ находилась знаменитая „тысяча“. Быстро заняли свои мѣста пассажиры, быстро погружены были военные и съѣстные припасы, и маленькая компанія двинулась.

Не было у нихъ большого количества боевыхъ припасовъ. Ружья были неважныя, патроновъ немного, пушка всего одна. Но столько было у нихъ отваги, такъ вѣрили они, что дѣло должно удасться, что никто не стоялъ за то, что надо отложить, обождать, подумать и взвѣсить.

Надо сказать, что у нихъ уже были сдѣланы кое-какія приготовленія въ Сициліи. Между ними были люди, которые сами были родомъ изъ Сициліи. Таковъ, напримѣръ, былъ Криспи, который въ то время сдѣлалъ очень много для итальянскаго освобожденія и объединенія. Осужденный на смерть за участіе въ заговорѣ противъ Вурбоновъ, Криспи не боялся пріѣзжать въ Сицилію для того, чтобы приготовить возстаніе. Переодѣтый являлся онъ въ Сицилію и здѣсь переходилъ съ мѣста на мѣсто, заготовлялъ

оружіе, приготавливалъ боевые припасы, уговаривалъ народъ дѣйствовать заодно съ освободителями Италіи. Его искала полиція; за нимъ бѣгали шпіоны; Бурбоны старались поймать его, чтобы привести въ исполненіе приговоръ о преданіи его смерти, но Криспи ловко ускользалъ отъ рукъ полиціи и вновь являлся, когда его всего менѣе ожидали. Къ сожалѣнію, въ послѣдствіи, когда Криспи сдѣлался первымъ министромъ, онъ причинилъ много вреда Италіи и своими военными замыслами, и своимъ самовластнымъ характеромъ.

Гарибальди надѣялся напасть на Сицилію врасплохъ. Но объ отправкѣ кораблей куда-то, конечно, скоро узнали. Возникли различныя предположенія и опасенія относительно того, куда именно направляются корабли. Надо было ввести непріятелей въ заблужденіе. Гарибальди высадилъ 60 человекъ въ одномъ укромномъ мѣстѣ и направилъ ихъ на папскую область, чтобы всѣ думали, будто въ этомъ и заключается главная цѣль его поѣздки. Высадивъ ихъ, онъ немедленно отплылъ и, уже не останавливаясь, приплылъ къ берегамъ Сициліи.

Здѣсь онъ не сталъ искать удобнаго, т.-е. пустыннаго мѣста для высадки. Боясь, что, если онъ будетъ искать наиболѣе подходящаго мѣста, его замѣтятъ и примутъ мѣры, онъ быстро подошелъ къ городу Марсалѣ и вошелъ въ портъ. Здѣсь онъ нашелъ два англійскихъ корабля. Здѣсь же должны были стоять два неаполитанскихъ, т.-е. бурбонскихъ крейсера. Но въ этотъ часъ крейсеровъ въ порту не было, они ушли

для осматриванія береговъ. Никто не ожидалъ, конечно, что Гарибальди осмѣлится высадиться на виду у всѣхъ; поэтому военные корабли неаполитанцевъ осматривали берега въ наиболѣе пустынныхъ мѣстахъ. О томъ, что гарибальдійцы явились и высаживаются, крейсерамъ тотчасъ же, конечно, дали знать.

Крейсеры возвратились, когда значительная часть гарибальдійцевъ уже спустилась на землю. Сейчасъ же открылась бомбардировка. Крейсера открыли огонь по маленькому отряду и кораблямъ. Но выстрѣлы были направлены плохо; снаряды не долетали, и отрядъ продолжалъ высадку, не неся никакихъ потерь. Тѣмъ временемъ комендантъ англійскаго корабля отправился къ коменданту крейсеровъ съ просьбой прекратить пальбу въ виду ея опасности для англичанъ. Въ теченіе этихъ переговоровъ успѣли высадиться послѣдніе гарибальдійцы, и бурбонскимъ кораблямъ остались въ добычу только два пустые корабля, изъ которыхъ одинъ къ тому же былъ наполовину затопленъ.

Не останавливаясь и не отдыхая, Гарибальди со своей „тысячей“ отправился вглубь острова и тотчасъ же обратился къ населенію съ воззваніемъ. Онъ объявилъ изгнаніе Бурбоновъ и присоединеніе Сициліи къ Пьемонту, т.-е. къ той части Италіи, которая съ самаго начала нашего разсказа уже была во владѣніи итальянцевъ. Уже 15-го мая показались бурбонскія войска въ количествѣ, превышающемъ войска Гарибальди, къ которому уже успѣли, однако, примкнуть нѣкоторые увлеченные жители Сициліи. Бурбонскія

войска занимали отличную позицію; они были гораздо лучше вооружены, чѣмъ гарибальдійцы. Но они не обладали ни такимъ мужествомъ, ни такой быстротой дѣйствій, ни такой увѣренностью въ успѣхѣ, какъ гарибальдійцы. Не было у нихъ и такого вождя, который, какъ Гарибальди, умѣлъ бы использовать каждое маленькое преимущество.

Не колеблясь и не выжидая, Гарибальди началъ битву и разбилъ бурбонцевъ. Въ безпорядкѣ войска непріятели поспѣшили отступить.

Эта побѣда сразу увеличила возможность дальнѣйшихъ побѣдъ. Къ побѣдителю примыкали теперь уже цѣлыя толпы сицилійцевъ, и скоро маленькая армія увеличилась уже до десяти тысячъ человекъ. Гарибальди не медлилъ. Онъ не отдыхалъ и не давалъ отдыха другимъ. Уже черезъ пять дней послѣ своей побѣды онъ подошелъ къ столицѣ Сициліи, къ городу Палермо. Городъ былъ занятъ бурбонскими войсками. Напасть на него въ присутствіи столькихъ войскъ было трудно. Необходимо было хотя часть этихъ войскъ выманить за городъ. И вотъ Гарибальди началъ обходить города по горамъ его окружающимъ. Это было трудное путешествіе. Горы, окружающія Палермо, высоки и неудобны для прохожденія войскъ, но для гарибальдійцевъ ничто тогда не казалось трудно. Искусными маневрами Гарибальди выманилъ часть бурбонскихъ войскъ изъ города и заставилъ ихъ преслѣдовать себя по дорогѣ, уводящей отъ города. Тамъ, отбиваясь и притворно отступая отъ непріятели, онъ раздѣлилъ отрядъ на двѣ части, и, оставивъ одну

часть заманивать непріятеля, съ другою, отборною, наиболѣе умѣлою и опытною частью своихъ войскъ по узкимъ и крутымъ тропинкамъ вновь перебрался къ Палермо и вступилъ въ городъ, гдѣ оставалась уже сравнительно небольшая часть непріятельскихъ войскъ. Онъ опрокинулъ защитниковъ города быстрымъ натискомъ и занялъ городъ. Непрідатель еще оставался и могъ наносить большой вредъ гарибальдійцамъ съ двухъ сторонъ. Часть войскъ засѣла въ небольшой крѣпости и кромѣ того въ портѣ стояли военные бурбонскіе корабли. Пушки гремѣли съ обѣихъ сторонъ, — изъ крѣпости и со стороны порта. Началась долгая битва, которая продолжалась нѣсколько дней (съ 27-го мая по 6 іюня). Непрідатель, доведенный до отчаянія, попросилъ перемирія.

Послѣ того уже весь островъ возсталъ противъ Бурбоновъ. Повсюду жители гнали ненавистныхъ жандармовъ и полицейскихъ, но, конечно, противъ регулярныхъ войскъ могъ биться только Гарибальди. Къ нему спѣшила новая помощь изъ Пьемонта. Девять кораблей съ добровольцами, привлеченными успѣхами Гарибальди, шли въ Сицилію. Бурбонскія войска уже не могли смотрѣть на гарибальдійцевъ, какъ на бунтовщиковъ. Они видѣли въ нихъ сильнаго непріятеля, борьба съ которымъ трудна необыкновенно.

Какъ это всегда бываетъ въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ народъ приниженъ, гдѣ не позволяютъ ему говорить о своихъ нуждахъ, молчаніе народа принимается за его довольство. Думаютъ, что если народъ молчитъ, то онъ доволенъ и правительствомъ, и своей участью, и всѣмъ тѣмъ, что надъ нимъ

продѣлываетъ начальство. Такъ думало и бурбонское правительство. Но тамъ, гдѣ никому не позволяютъ говорить, что то или другое правительственное распоряженіе нехорошо, тамъ всегда оказывается масса неисправностей. Какъ могли бурбоны знать, хороши или плохи ихъ войска, когда объ этомъ было запрещено говорить? Какъ могли они знать, доволенъ или нѣтъ народъ, когда за всякое недовольное слово строго наказывали? И они не знали ничего и они думали, что народъ будетъ стоять за нихъ или во всякомъ случаѣ не окажетъ помощи тѣмъ, кого они называли бунтовщиками. Они были вполнѣ увѣрены въ томъ, что ихъ войска замѣчательно хороши и способны оборонять ихъ отъ кого угодно, а не только отъ какихъ-то бунтовщиковъ. И, конечно, оказалось обратное. Конечно, оказалось, что народъ недоволенъ, что онъ помогаетъ возставшимъ; оказалось кромѣ того, что войска никуда негодны, что они не въ силахъ справиться съ небольшими сравнительно войсками непріятели плохо вооруженнаго, но храбраго.

Бурбонскія войска стянулись въ одну крѣпость Милаццу. Въ іюлѣ Гарибальди послалъ туда свои войска, но въ виду того, что этихъ войскъ оказалось мало, онъ самъ поспѣшилъ на помощь своимъ. Послѣ нѣсколькихъ развѣдокъ, мелкихъ стычекъ, началась генеральная битва. Долго побѣда не склонялась ни на ту, ни на другую сторону. Позиція осажденныхъ бурбонскихъ войскъ была очень выгодна. Милацца представляетъ изъ себя крѣпость, которая находится на узкомъ мысѣ выдающемся въ море. Достаточно сравнительно небольшихъ силъ для того, чтобы воспрепятствовать

бсаждающимъ подойти близко къ крѣпости. Ровная болотистая мѣстность не даетъ главнокомандующему обозрѣть поле сраженія и направить войска въ ту сторону, гдѣ въ настоящій моментъ въ нихъ встрѣчается наибольшая надобность. Сраженіе длилось, не давая явнаго преимущества ни той, ни другой сторонѣ, пока Гарибальди не отправился въ море къ стоявшему тамъ своему кораблю. Тамъ онъ взобрался на мачту и сверху ея осмотрѣлъ поле битвы. Его осыпали картечью изъ крѣпости, но онъ хладнокровно взвѣшивалъ всѣ условія побѣды, быстро составляя новый планъ атаки. Онъ ударилъ во флангъ напрателю и такимъ образомъ рѣшилъ битву: непріятельскія войска были разбиты. Весь островъ былъ въ рукахъ гарибальдійцевъ: иго Бурбоновъ было сломлено.

Тогда неаполитанскій король, котораго такъ долго уговаривали дать народу конституцію и уничтожить самовластіе, взялся за умъ. Онъ предложилъ ввести въ Сициліи конституцію; онъ обѣщаль своимъ подданнымъ свободное обсужденіе ихъ дѣлъ и нуждъ. Но было уже поздно. Сицилійцы совсѣмъ не хотѣли этого короля. Они желали быть итальянцами не только по крови, но и по управленію. Они хотѣли представительнаго управленія, но только безъ бурбонскаго короля.

Всѣ иностранныя державы косо смотрѣли на то, что дѣлалось въ Сициліи. Въ освобожденіи Италіи многіе изъ европейскихъ государей видѣли угрозу себѣ. Вѣсть о томъ, что одинъ народъ самъ добылъ себѣ свободу, всегда поднимаетъ надежду у другихъ народовъ сдѣлать то же. Самовластные правители боятся, что эта надежда

перейдетъ въ дѣйствіе и начнется со стороны ихъ подданныхъ такое же требованіе свободы, какъ и со стороны уже возставшихъ и добившихся своего народовъ. Вотъ поэтому-то европейскія державы не могли одобрить того, что дѣлается въ Сициліи. Только Англія — свободная страна, гдѣ съ давнихъ поръ было представительное управленіе, — только Англія относилась благосклонно къ изгнанію Бурбоновъ изъ Сициліи.

Въ виду этихъ обстоятельствъ пьемонтскій король Викторъ Эмануиль, боясь неудовольствія Франціи, Австріи, Германіи и Россіи, далъ знать Гарибальди, что пора прекратить наступленіе. Достаточно завоеванія острова, говорилъ онъ, переплыть же проливъ, который отдѣляетъ Сицилію отъ другой главной части Неаполитанскаго королевства, гдѣ продолжали властвовать Бурбоны, не слѣдуетъ. Но Гарибальди видѣлъ, что останавливаться на половинѣ нельзя. Какъ ни труденъ былъ походъ противъ главныхъ силъ Бурбоновъ, но онъ рѣшилъ и тутъ попытаться успѣха. Въ ночь съ 19-го на 20 августа онъ переплылъ со своими войсками проливъ и высадился на материкъ. Населеніе встрѣтило его восторженно. Отъ мѣста высадки до Неаполя Гарибальди встрѣчалъ на своемъ пути только привѣтственные крики. Вездѣ населеніе выходило къ нему навстрѣчу, называло его своимъ спасителемъ, обѣщало помочь. Бурбонскій король удалился изъ Неаполя къ своимъ войскамъ, стоявшимъ дальше къ сѣверу... 7-го сентября Гарибальди вступилъ въ Неаполь.

Но побѣда еще не была достигнута. У Гарибальди было 24 тысячи солдатъ, уже испытан-

ныхъ въ бояхъ. Они были воодушевлены воспоминаніемъ объ одержанныхъ побѣдахъ. Слава Гарибальди поднимала ихъ духъ. Но у Бурбоновъ было 50 тысячъ войска, былъ флотъ, было сочувствіе европейскихъ державъ, которыя встрѣтили съ большимъ неудовольствіемъ вѣсть о взятіи Неаполя. Флотъ правда въ скоромъ времени сдѣлся и перешелъ на сторону Гарибальди. Но войска оставались вѣрны королю.

Все это дѣлало побѣду очень сомнительной. У Гарибальди была мысль завоевать всю Италію, чтобы ни одинъ кусочекъ итальянской земли не оставался болѣе въ рукахъ непріятеля. Но требованія иностранныхъ державъ становились съ каждымъ днемъ все настойчивѣе. Друзья Гарибальди, тѣ самые, съ которыми еще въ давніе годы онъ началъ общее дѣло, въ особенности Мадзини, требовали, чтобы онъ объявилъ республику въ завоеванныхъ областяхъ, чтобы Италія правилась безъ королей, свободная и единая. Но для Гарибальди было ясно, что европейскія державы этого не допустятъ, что вслѣдъ за провозглашеніемъ республики начнется нашествіе на Италію чужеземныхъ войскъ и, можетъ-быть, вновь начнется властвованіе такихъ же негодныхъ чужеземныхъ королей какими были Бурбоны. Что оставалось дѣлать? Надо было, какъ можно скорѣе, объявить Неаполитанское королевство присоединеннымъ къ Пьемонту подъ властью общаго короля, Виктора Эмануила. Такъ совѣтовали Гарибальди другіе люди; на этомъ, между прочимъ, настаивалъ и министръ Виктора Эмануила, Кавуръ. Гарибальди увидалъ, что иного выхода не остава-

лось, что республика невозможна. Онъ объявилъ о присоединеніи къ Пьемонту Неаполитанскаго королевства подъ властью Виктора Эмануила.

Этимъ временемъ сомнѣній и нерѣшительности воспользовались бурбонскія войска, чтобы напасть на Гарибальди. Непрiятель надѣялся, что со своими 50 тысячами онъ легко пробьется черезъ армію Гарибальди, въ которой было не больше 24 тысячъ человекъ. Разбивъ гарибальдійцевъ, бурбонскій военачальникъ рассчитывалъ добратся до Неаполя, занять его и подавить возстаніе. Въ этой надеждѣ и начали дѣло.

1-го октября бурбонскія войска перешли въ наступленіе. Они наступали большими силами, вездѣ имѣя преимущество надъ гарибальдійцами. И въ то же время они имѣли много войскъ въ запасѣ для того, чтобы въ нужную минуту пустить эти войска въ дѣло, направивъ ихъ въ ту или другую сторону. Рано утромъ началась битва, и на этотъ разъ она велась бурбонскими войсками съ такимъ жаромъ, такъ велико было численное превосходство, что гарибальдійцамъ пришлось очень трудно. Они старались отстоять каждый клочокъ земли, боролись за свои позиціи, но врагъ все наступалъ и наступалъ. Мало-по-малу позиціи уступались непрiятелю; гарибальдійцы потеряли много убитыми и ранеными. Къ двумъ часамъ пополудни положеніе гарибальдійцевъ стало очень плохо. Они были утомлены: въ теченіе нѣсколькихъ часовъ они бились безъ отдыха; всѣ ихъ запасы были истощены, между тѣмъ какъ непрiятель вводилъ въ дѣло все новыя и новыя войска со свѣжими силами.

Гарибальди опять занялъ возвышенность, чтобы

оттуда наблюдать за ходомъ битвы. Онъ увидалъ, что еще небольшое промедленіе и гарибальдійцы будутъ окончательно разбиты. Онъ увидалъ, что необходимо сдѣлать послѣднюю попытку, чтобы хотя удержаться на позиціяхъ и не пропустить дальше непріятели, и безъ того уже сильно продвинувшася впередъ. Быстро оставивъ свой наблюдательный постъ, Гарибальди поспѣшилъ къ небольшому отряду, который только что прибылъ по желѣзной дорогѣ къ полю битвы. Не выдавая своего волненія, не говоря ничего о томъ, что нельзя терять ни одной минуты, Гарибальди обратился къ солдатамъ съ рѣчью, въ которой сказалъ, что побѣда почти обезпечена, что непріятель уже почти разбитъ и что нуженъ только рѣшительный ударъ: тогда все будетъ кончено. Не желая показать, насколько опасно положеніе, онъ позволилъ даже солдатамъ немного отдохнуть, а затѣмъ, раздѣливши ихъ на двѣ части самъ повелъ ихъ въ обходъ непріятели. Ударъ былъ силенъ и пришелся какъ разъ во-время. Черезъ часъ или два бурбонскія войска быстро отступали и Гарибальди телеграфировалъ въ 5 часовъ вечера: „Побѣда по всей линіи“.

Это былъ окончательный ударъ, сломившій власть Бурбоновъ. Неаполь былъ свободенъ, такъ же какъ свободна Сицилія.

VII.

Слава Гарибальди достигла высшаго предѣла. Не было въ это время въ Италіи человѣка, который могъ бы сравниться съ Гарибальди по любви народа. Одно его имя было достаточно,

чтобы вызвать въ итальянцахъ восторгъ. Его не только любили; этого сказать недостаточно. Его боготворили. При его появленіи передъ толпой начинался одинъ сплошной крикъ восторга. Чуть не каждого рождающагося ребенка называли въ это время именемъ Гарибальди.

Гарибальди былъ дѣйствительнымъ властителемъ Италіи. Онъ могъ приказать все, что угодно, и вся Италія съ восторгомъ приняла бы его приказаніе. Если бы онъ захотѣлъ, онъ могъ бы посоветовать итальянскому народу республику, и республика при восторженныхъ крикахъ всего народа была бы провозглашена. Но, какъ мы уже говорили, Гарибальди боялся, что провозглашеніе республики вызоветъ для Италіи новыя разорительныя войны съ иностранными державами, и потому отказался отъ своей давнишней мысли видѣть одну общую итальянскую республику.

Онъ могъ бы, если бы захотѣлъ, объявить себя королемъ, и, конечно, народъ ни на одну минуту не затруднился бы поднести ему королевскую корону. Но онъ не желалъ королевской власти; онъ не помышлялъ о собственномъ возвеличеніи; онъ думалъ только о счастіи итальянскаго народа. Ему казалось, что Италія будетъ счастливѣе и все въ ней пойдетъ спокойно, если она соединится подъ властью короля Пьемонта. И потому онъ увѣщевалъ народъ принять королемъ Виктора Эмануила, пьемонтскаго короля... Слыша это изъ устъ Гарибальди, народъ кричалъ: „да здравствуетъ король Викторъ Эмануиль!“

Если бы захотѣлъ, Гарибальди могъ бы безконечно продолжать свое торжественное путешествіе

по освобожденной Италіи. Если бы онъ любилъ славу и радостные крики толпы, онъ проѣхался бы по всѣмъ завоеваннымъ имъ мѣстамъ, для того, чтобы рассказать или вновь напомнить народу, что онъ для него сдѣлалъ. Но онъ любилъ Италію, а не свою славу, хотѣлъ счастья народу, а не себѣ лично. Онъ былъ необыкновенно скромнымъ человѣкомъ. И тотчасъ послѣ своихъ удивительныхъ походовъ, послѣ завоеваній, которыя прославили бы всякаго полководца, онъ незамѣтно удалился на свой островъ Капреру и поселился тамъ, вдали отъ шума и криковъ толпы, вдали отъ тѣхъ, для кого онъ работалъ всю жизнь.

Большая часть его желаній сбылась. Италія соединилась подъ однимъ управленіемъ, независимая отъ иностранцевъ и свободная по своему внутреннему устройству... Оставались только двѣ области, не объединенныя съ Италіей. Одна находилась на сѣверѣ; она называлась Венеція и была подчинена австрійцамъ. Другая была въ самой срединѣ Италіи; главный городъ тамъ былъ Римъ. Онъ, какъ мы уже говорили, былъ занять старшимъ католическимъ духовнымъ лицомъ, который назывался папой. Подъ властью папы была цѣлая область; въ ней были свои законы; въ ней было старинное устройство, похожее на то, что было въ Италіи до ея освобожденія.

Гарибальди не могъ успокоиться, пока эти двѣ области не были присоединены къ Италіи, пока оставалось итальянское населеніе, не пользовавшееся свободой, которая была въ другихъ концахъ Италіи. Онъ думалъ объ ихъ освобожденіи, и, оставаясь на Капрерѣ, подготовлялъ походъ

въ Римъ, съ цѣлью освободить его отъ власти католическихъ монаховъ. Но онъ встрѣтилъ сопротивление со стороны правительства того самаго Виктора Эмануила, которому подарилъ итальянскій престолъ. Складъ оружія, которое подготовили гарибальдійцы, былъ захваченъ посланными Виктора Эмануила, и такимъ образомъ нападеніе на Римъ не могло состояться.

Но Гарибальди не успокоился. Онъ подготовилъ новое нападеніе, и въ 1862 году съ 2500 добровольцами направился на Римъ. По дорогѣ онъ встрѣтилъ то, на что всего меньше рассчитывалъ и съ чѣмъ не могъ бороться. По приказанію итальянскаго правительства противъ него выступили итальянскія войска, тѣ самыя войска, которыя еще такъ недавно защищали съ нимъ одно общее дѣло. Этихъ войскъ было много; они сплошнымъ кольцомъ окружили Гарибальди. Онъ могъ бы сражаться съ непріателемъ чужимъ, съ австрійцами, съ войсками папы, съ бурбонской арміей. Но проливать кровь итальянцевъ, тѣхъ самыхъ итальянцевъ, ради которыхъ онъ столько пролилъ своей собственной крови, онъ не могъ. Братоубійственная рѣзня была не по душѣ ему. Приходилось оставить дѣло. Но итальянское правительство, изъ боязни новыхъ походовъ Гарибальди и боясь успѣха этихъ походовъ въ виду необыкновенной славы его, поспѣшило арестовать его. При этомъ Гарибальди былъ раненъ ружейнымъ выстрѣломъ въ ногу. Это была благодарность пьемонтскаго правительства за все то, что сдѣлалъ для него Гарибальди.

Раненый, больной Гарибальди находился подъ надзоромъ въ плѣну пьемонтскаго правительства, которое, правда, обращалось съ нимъ очень хорошо, которое воздавало ему почести, обыкновенно воздающіяся королямъ, но Гарибальди не это было нужно. Безъ почестей онъ могъ бы обойтись: ему нужна была свобода всей Италіи.

Послѣ нѣсколькихъ мѣсяцевъ этого плѣна его опять перевезли на островъ Капреру. Отсюда ему позволяли съѣздить въ Лондонъ, въ столицу Англіи, чтобы посовѣтоваться съ тамошними докторами относительно больной ноги. Но Гарибальди ѣхалъ не за этимъ. Онъ хотѣлъ заручиться содѣйствіемъ Англіи для освобожденія отъ австрійцевъ Венеціи. Венеція и Римъ были два города, которые привлекали теперь все его вниманіе. Не удалось дѣло съ Римомъ; онъ пробовалъ, нельзя ли устроить его съ Венеціей. Ему и это не удалось. Англія не захотѣла помочь дѣлу. Но то, что встрѣтилъ Гарибальди въ Англіи, было для него совершенно неожиданно. Его встрѣтили какъ самаго любимаго, самаго дорогого народнаго вождя. Можно было думать, что Гарибальди—англичанинъ и возвращается послѣ побѣды, которую онъ держалъ для самой Англіи.

Навстрѣчу ему шли огромныя толпы народа, его привѣтствовали самые важные англійскіе государственные люди; ему устраивали такой почетъ, какой не достается на долю королей. Да это и понятно: королямъ устраиваютъ торжественную встрѣчу только начальствующія лица; другіе люди идутъ изъ любопытства, часто не зная, кого встрѣчаютъ. Гарибальди же былъ из-

вѣстенъ всѣмъ. Къ нему шли на встрѣчу, потому что уже любили его. Удивлялись той замѣчательной жизни, которая вся была посвящена одной мысли, — мысли о счастья и свободѣ родины. Рѣдкій человѣкъ можетъ сдѣлать для своей родины даже малую частицу того, что сдѣлалъ Гарибальди, но всякій любить свою родину и можетъ понять, какъ надо цѣнить то, что было сдѣлано Гарибальди. Поэтому англійскій народъ дѣйствительно радовался, что видитъ человѣка, о которомъ такъ много слышалъ и котораго уже давно привыкъ любить и уважать.

Но, какъ мы уже знаемъ, Гарибальди нужны были не почести. Онъ ѣздилъ не за тѣмъ, чтобы вновь услышать крики восторга, и узнать, какъ велика его слава во всемъ мірѣ. Ему нужна была помощь Англій, чтобы вырвать Венецію изъ рукъ Австріи. И въ этомъ отношеніи его поѣздка не имѣла успѣха.

Къ счастью для него, дѣла скоро повернулись въ благопріятную сторону. Италіи удалось вступить въ союзъ съ Пруссіей, которая затѣивала войну съ Австріей. Опять призвали Гарибальди, опять дали ему команду надъ добровольцами. Предполагали поручить ему важное дѣло, — вторгнуться въ тѣ части Австріи, гдѣ населеніе было недовольно австрійскимъ правленіемъ, возмутить ихъ и отвлечь такимъ образомъ въ ту сторону значительныя силы непріятельскаго войска. Этотъ планъ очень нравился Гарибальди, но противъ него возстали приближенные короля Виктора Эмануила, которые боялись усиленія Гарибальди и его войскъ, боялись народныхъ воз-

станій, гдѣ бы они ни происходили. Гарибальди долженъ былъ дѣйствовать вмѣстѣ съ итальянскими войсками. Онъ показалъ въ этой войнѣ свое прежнее искусство и прежнюю храбрость, одержалъ нѣсколько побѣдъ надъ нѣсколькими отрядами непріятели. Но пришлось ему испытать и очень тяжкое поражение при столкновеніи съ превосходными силами непріятели. Вообще, въ этой войнѣ итальянцамъ пришлось понести нѣсколько тяжелыхъ поражений какъ на сушѣ, такъ и на морѣ.

Но въ концѣ концовъ эта война все-таки возвратила Италіи Венецію, и такимъ образомъ желаніе Гарибальди было отчасти исполнено.

Оставался только Римъ. Но здѣсь дѣло было необыкновенно трудно, и трудно, главнымъ образомъ, потому, что Франція потребовала отъ итальянскаго правительства принять на себя защиту папы отъ всякихъ нападѣній. Франція объявила, что она вторгнется со своими войсками въ Италію, если будетъ произведена попытка присоединить Римъ къ общему итальянскому управленію.

Но Гарибальди не могъ согласиться съ этимъ. Ему было уже 60 лѣтъ. Столько разъ во время своихъ войнъ онъ былъ раненъ, столько болѣлъ; такъ много испыталъ лишеній и всякихъ напастей, что, казалось бы, пора подумать о покоѣ и бросить всякіе помыслы о другихъ. Но въ томъ и заключается величіе и сила такихъ людей, какъ Гарибальди, что за мыслью о счастья другихъ людей они не слышатъ собственныхъ страданій. Они готовы лучше умереть, лишиться свободы, пожертвовать своей семьей, лишь бы оте-

чество, которое они любятъ больше всего на свѣтѣ, было счастливо. Гарибальди не затруднился принести въ жертву собственное свое спокойствіе, жизнь своихъ близкихъ, все, что было ему дорого и что онъ любилъ. Мы видѣли, какъ утомительные походы уморили его жену. И какъ только дѣти его подросли, они вмѣстѣ съ нимъ сражались за свободу Италіи. Старшій сынъ, Менотти, былъ однимъ изъ самыхъ лучшихъ его помощниковъ. Онъ участвовалъ и въ подготовкахъ къ битвамъ, и въ самихъ походахъ, и во многихъ сраженіяхъ.

Итальянское правительство отлично знало, что такой человѣкъ, какъ Гарибальди, не успокоится, пока у него есть силы, и будетъ добиваться своего. Поэтому къ нему на островъ Капреру были отправлены четыре корабля, которые должны были зорко слѣдить, чтобы онъ не могъ убѣжать съ острова. Старый полководецъ, такъ много сдѣлавшій для своей родины, опять былъ отданъ подъ надзоръ военныхъ властей, и опять ему было запрещено куда-либо двигаться съ острова.

Но ему все-таки удалось бѣжать. Опять началась походная жизнь, опять опасности, опять „голодь, жажда, битвы“, какъ говорилъ онъ въ своей давнишней рѣчи къ солдатамъ. Въ ночь 16 октября 1867 года, въ бурю, въ маленькой рыбацкой лодкѣ проплылъ онъ посреди караулившихъ его кораблей и достигъ итальянской земли. Здѣсь онъ обратился къ населенію съ воззваніемъ, поднялъ сотни добровольцевъ, нашелъ оружіе и двинулся на Римъ. Онъ встрѣтилъ войска папы, и старое счастье улыбнулось ему. Онъ разбилъ

непріятеля. Черезъ нѣсколько дней произошла новая битва съ послѣдними войсками папы, и опять Гарибальди разбилъ ихъ. Онъ, конечно, овладѣлъ бы Римомъ, если бы здѣсь не стояли регулярныя отлично вооруженныя французскія войска. Что могъ сдѣлать Гарибальди противъ такого вооруженія со своими малыми силами, съ набранными на скорую руку плохими ружьями. Потерпѣвъ пораженіе, онъ отступилъ. Но тутъ его ждало новое несчастіе. Войска Виктора Эмануила захватили его въ плѣнъ. Опять поселили его на островъ Капреръ, но на этотъ разъ его не только караулили съ моря, не только надзирали за нимъ тайно, какъ прежде. Теперь къ нему была представлена стража, которая часто смѣнялась. Теперь онъ уже не могъ сдѣлать ни одного шага безъ сопровожденія часовыхъ, которые постоянно днемъ и ночью находились при немъ. Только такимъ образомъ могли его держать два съ лишнимъ года, пока по особенно счастливой случайности, Римъ не перешелъ, наконецъ, къ Италіи. Этой счастливой случайностью была война Франціи съ Германіей. Разбитая Франція уже не могла защищать Рима, какъ она собиралась прежде. Этимъ воспользовалось правительство Виктора Эмануила и объявило Римъ свободнымъ отъ папскаго владычества и присоединеннымъ къ Италіи.

VIII.

Такъ исполнилось желаніе Гарибальди. Италія была объединена. Онъ могъ наслаждаться спокойствіемъ. Но произошли событія, которыя не позволили ему спокойно отдыхать. Между Фран-

цией и Германіей, какъ мы уже сказали, произошла война. Франція терпѣла поражение за поражениемъ. Дѣло въ томъ, что до этой войны ею правилъ Наполеонъ III, — правилъ плохо, уничтожая свободу и угнетая народъ. Долгое время не позволялось говорить о томъ, что страна управляется плохо, что въ ней плохи управители, плохо даже войско. Нельзя было говорить объ этомъ, потому что для усмиренія безоружныхъ людей, которые рѣшились бы сказать, что надо измѣнить правленіе, для усмиренія этихъ людей даже плохое войско было достаточно. И всѣ молчали, и произошло то, что всегда бываетъ, когда запрещается говорить и писать о самыхъ важныхъ дѣлахъ. Во-первыхъ, Франція была вовлечена въ войну, которой народъ совершенно не желалъ, но которая нужна была правительству, чтобы удержаться на мѣстѣ. Во-вторыхъ, когда оба войска, нѣмецкое и французское, столкнулись, то оказалось, что Франція слаба, что войска ея никуда негодны, и одно поражение послѣдовало за другимъ.

Гарибальди помнилъ, сколько зла причинилъ ему Наполеонъ III, какъ помѣшалъ онъ освобожденію Рима. Онъ зналъ это и потому не могъ сочувствовать и помогать Наполеону. Но зналъ онъ также, что еще больше вреда принесъ Наполеонъ Франціи, что теперь изъ-за Наполеона Франція была разбита и унижена. Видѣтъ, какъ страдаетъ народъ не за свою вину, видѣтъ, какъ за грѣхи правительства онъ расплачивается поражениями, видѣтъ это и не помочь Гарибальди не могъ.

Наполеонъ III былъ прогнанъ французами, и

Гарибальди рѣшилъ идти на помощь Франціи, сражавшейся противъ нѣмцевъ за свои земли. Вмѣстѣ съ обоими сыновьями онъ отправился во Францію, сформировалъ отрядъ, съ которымъ сталъ защищать французовъ отъ наступающаго непріятеля. Но рѣшить дѣло въ пользу французовъ онъ уже не могъ. Слишкомъ уже многое было испорчено наполеоновскимъ правленіемъ. Гарибальди бился, какъ всегда. Единственная побѣда, которую французы одержали въ эту несчастную войну, была совершена подъ его начальствомъ. Онъ отбилъ непріятельское знамя. Но больше онъ сдѣлать ничего не могъ. Дѣло было окончательно проиграно. Франція занята болѣе искуснымъ непріателемъ.

Гарибальди былъ уже старъ. Въ тишинѣ, но не въ спокойствіи оканчивалъ онъ свои дни. Утомительные походы, тяжелыя раны, полученные имъ, лишенія и труды сказались подъ старость. Онъ умиралъ очень болѣзненно; послѣдніе годы жизни были полны страданій. 2 іюня 1882 года онъ умеръ на 75-мъ году жизни.

Можете ли вы хладнокровно читать о жизни такого человѣка? Каждый изъ насъ много думаетъ о себѣ, жалѣетъ отдать что-нибудь лишнее на общее дѣло, боится какъ бы не произошло непріятностей отъ вмѣшательства въ чужія дѣла. А вотъ человѣкъ, который совсѣмъ не имѣлъ ни нашего страха, ни нашего себялюбія. Жить только для себя онъ не считалъ возможнымъ. Жить для другихъ ему казалось хорошо. Съ самой молодости онъ поставилъ передъ собой одну цѣль — осво-

бодить родину. Для этой цѣли онъ жилъ и эту цѣль исполнилъ. Было тяжело, были неудачи, была тысяча опасностей; грозили изгнаніе, тюрьма, смерть отъ палача, смерть на полѣ битвы. Все это онъ предвидѣлъ и ни на минуту не колебался. Неудачи его не приводили въ отчаяніе, опасности его не пугали. Когда не удавалось одно, онъ принимался за другое. И такъ въ теченіе всей жизни съ необыкновеннымъ упорствомъ онъ добивался одного — и добился.

Онъ былъ хорошимъ солдатомъ и морякомъ, но онъ былъ еще лучшимъ главнокомандующимъ. Для этого у него были особенныя способности; но болѣе всего помогала ему любовь къ дѣлу. Во всемъ, что онъ дѣлалъ, онъ помнилъ, главнымъ образомъ, ту цѣль, которую поставилъ себѣ въ молодости, и забывалъ себя. Поэтому онъ не сдѣлался ни королемъ, ни министромъ, ни начальникомъ войскъ въ мирное время. Онъ былъ только начальникомъ на войнѣ, а во время мира думалъ о томъ, что нужно для свободы Италіи.

Такіе люди рѣдки, но при жизни и даже послѣ смерти они внушаютъ другимъ обыкновеннымъ людямъ любовь къ отечеству, любовь разумную, которая понимаетъ, въ чемъ счастье родины. Они заставляютъ и другихъ людей даже изъ другихъ странъ, даже далекихъ отъ тѣхъ мѣстъ, гдѣ живутъ и умираютъ они, помнить, что нѣтъ болѣе великаго дѣла, какъ дѣло освобожденія родины отъ всего, что ее угнетаетъ и тѣснитъ. Для этого дѣла надо жить и не страшно умереть.

